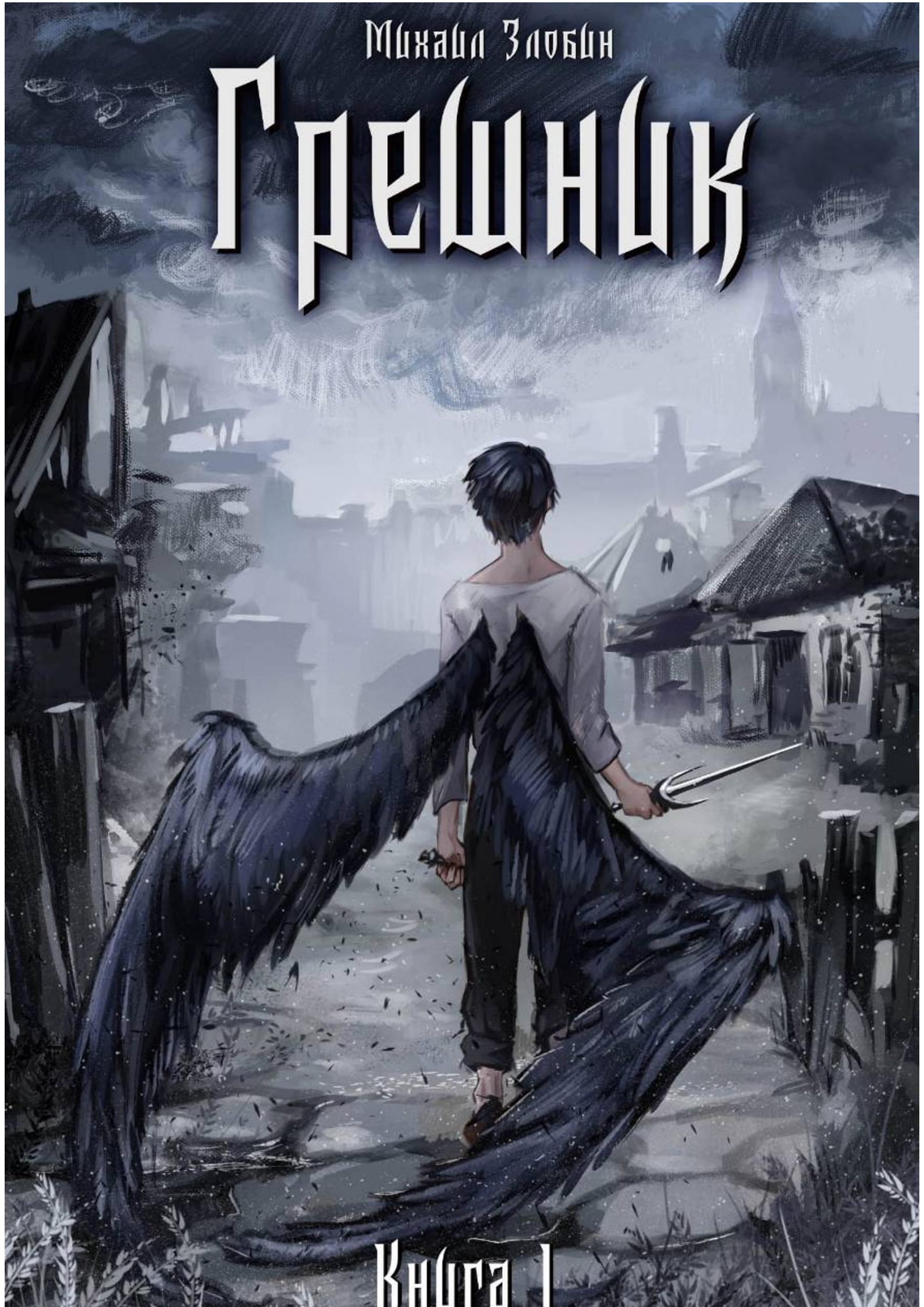


Михаил Злобин

Грешник



Книга 1

Михаил Злобин
Книга I: Грешник

«Автор»

2026

Злобин М.

Книга I: Грешник / М. Злобин — «Автор», 2026

На протяжении веков и целых тысячелетий души томятся в аду. Они закаляются словно сталь в горниле бесконечной бойни друг с другом и низшими демонами. Ведь такова воля самого Дьявола. Целую вечность они рвут себе подобных на части, чтобы мгновением позже самим отправиться на следующий виток мучений. Но каждая новая агония, каждый поверженный враг, каждый новый круг ада – это опыт. Опыт, который невозможно получить простому смертному. Для чего Князь Боли готовит несметные легионы почивших душ, наученных убивать себе подобных хоть голыми руками? А самое главное, какую миссию он собирается возложить на одного несчастного грешника, и для чего подарил ему свои крылья?

© Злобин М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	22
Глава 4	32
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Михаил Злобин

Книга I: Грешник

Глава 1

*Душа имеет свой вид, который подобен
виду человека в его теле. Она имеет и
главу, и персты, и руки, и ноги, и очи,
и уши, словом, все члены, как и тело
людское*

Соперник стоял предо мной, нахально скаля зубы и виртуозно раскручивая одной кистью тяжелый длинный меч. Его широкая и самодовольная улыбка сияла даже ярче, чем вздетый на нем латный доспех под лучами полуденного солнца. Ни он, ни тысячи зрителей на трибунах, не считали меня достойным претендентом на звание Аколита, и я кожей ощущал их насмешливые взгляды, жгущие мне спину.

Глупые смертные, как же легко вас обмануть. Вы так сильно полагаетесь на свои глаза, что неспособны разглядеть за обликом миловидного мальчишки темную кривую тень Преисподней. Жуткий силуэт первозданного Ада, который живет в этом юном теле. Так смейтесь, покуда можете.

– Ты что, совсем идиот? – презрительно поинтересовался стоящий напротив меня аристократ. – Беги броню вздевать, пока не поздно. Я же тебя проткну, как застарелый гнойный нарыв. От тебя только влажное пятно на песке останется.

А он самонадеян, этого у парня не отнять. Но не объяснять же мне, что те наполненные страданиями и ужасами тысячелетия, прожитые моей душой в вотчине Князя Боли, я провел без доспехов? Вряд ли мечник мне поверит. Поэтому, я вообще не стал удостаивать его ответом, а просто принял свою проверенную миллионами схваток стойку. Спина сгорблена, руки с короткими клинками-трезубцами чуть подняты перед собой, ноги широко расставлены, колени согнуты, подбородок прижат к груди, чтобы защитить шею. Вряд ли, конечно, этот напыщенный аристократ станет вгрызаться мне в горло, но когда ты несчетное количество веков бьешься как зверь, то и от остальных начинаешь ждать того же. Сила привычки.

– Ха-ха! – внезапно развеселился оппонент от вида моих орудий. – Ты что, на полном серьезе собираешься биться этими огрызками?! Нет, ну ты точно сумасшедший. Я даю тебе последний шанс развернуться и уйти, дабы не навлечь на себя позор, а то и вовсе не распрощаться с жизнью. Оглянись, ты уже стал посмешищем для всех, кто следит за поединком!

И действительно, беглый взгляд по окружающим трибунам подтвердил слова юного экзаменатора. Многие зрители тыкали в мою сторону пальцами, хлопали себя по коленям и раскрывали рты в неслышимых для меня приступах смеха. Мой вид был для аборигенов не просто вызовом любому местному боевому искусству, а настоящим презрительным плевком.

Но я снова не ответил подростку в латах, а просто призывно качнул остриями своих трезубцев, приглашая начинать экзамен.

– Ну ты и придурок! – зло сплюнул высокородный на песок. – Пеняй на себя! Начали!

Глядя на его целеустремлённое приближение, я лишь усмехнулся про себя. Этому молодому мальчику еще предстоит узнать, что толстая броня не всегда тебя может уберечь от меткого удара зачарованным трехгранным клинком в сочленение. А длинный меч вовсе не гарантия того, что ты сможешь реализовать преимущества дистанции. Сейчас я покажу тебе, юный маг, какие противники тебя будут ждать в Аду, когда ты умрешь.

Воспоминания о колючих объятиях Преисподней невольно перенесли мой разум на несколько лет назад. В тот самый день, когда я не только встретил Его Темнейшество Дьявола, но еще и получил от него самый величайший дар, какой только можно вообразить. Свою прекрасную новую жизнь. Дай Вóрган памяти, как же начался новый виток моей истории?

Где-то в удушающих объятиях ада

Камни. Обломки горной породы. Чахлые колючие кусты и мертвые деревья. Ноги несли меня вперед сквозь этот угнетающий пейзаж, невзирая на боль в израненных ступнях. На нее вообще перестаешь обращать внимание после первого тысячелетия в аду. Муки и страдания здесь настолько частые спутники, что к ним привыкаешь, как, например, к ощущению одежды на теле.

Очередной круг ада начался для меня не с пыток и истязаний. Похоже, у демонов нашлось занятие поинтересней. И они просто натравили нас друг на друга, вручив каждому свою роль. А после затаились, наблюдая за тем, как мы сами причиняем себе невообразимые мучения.

О, да, обитатели Преисподней любили смотреть, как мы со слезами на глазах потрошим чужие души. А у нас не было привилегий поступать вопреки их воле. Потому что лучше тысячу раз умереть от рук другой мятущейся души, чем один раз попасть в вертепы слугителей Дьявола.

За каждым таким яростным сражением крылось нечто большее, чем могло показаться на первый взгляд. Демоны не просто заставляли нас раз за разом умирать и убивать. Они еще и развлекались с разумами грешников, внушая привязанности, вселяя страхи или даже заигывая имитации чувств. Естественно, последнее делалось исключительно для того, чтобы тень воодушевления или радости, которых ты не успел еще толком осознать, сменилась удушающим отчаяньем и горем.

Я просто бежал в неизвестность, старался избегать любых встреч, потому что это означало бы неминуемую схватку. Но делать это долго в таком густонаселенном месте как ад, попросту невозможно. Вот и сейчас на моем пути оказалась сцепившаяся в смертельных объятиях парочка. Две души, мужчина и женщина, яростно боролись друг с другом. Они рычали, словно дикие звери, и неистово брыкались. Их свирепая одержимость и желание во что бы то ни стало уничтожить другого, ослепляли и шокировали. Даже мне было неприятно смотреть на них. Неприятно, но уже давно привычно.

Мужчина, видимо, провел в Преисподней значительно больше времени, нежели его соперница, потому что его движения выглядели не столь беспорядочно. Можно сказать, что они в какой-то степени казались уверенными и непоколебимыми. Пусть и не шибко умелыми. А вот женщина периодически то замирала в нерешительности, словно боялась нанести решающий удар. Не знаю, что творилось сейчас в ее разуме и что внушили ей дьявольские отродья. Быть может, ей сейчас казалось, что она дерется со своим возлюбленным, или с братом, а то и вовсе с отцом. И я, как и любой другой грешник, знал, насколько сильно снедает душу подобная двойственность.

Но вот грешница совершила очередную ошибку, и ее соперник тут же воспользовался этой оплошностью. Он окончательно подмял ее под себя, и тут же извлек откуда-то из-за спины заостренную толстую щепку. Такие валяются по округе в великом множестве, и при должном уровне сноровки ими можно колоть и протыкать ничуть не хуже, чем стилетом.

Взмах руки, и импровизированное оружие вонзается в глазницу поверженной женщины на полную длину, заставляя ее тело выгнуться в долгой предсмертной судороге. Победитель этого неприглядного поединка не отпускал тело соперницы, пока та окончательно не затихла и не обмякла под ним.

После одержанной победы мужчина, пошатываясь и дрожа, тяжело поднялся на ноги. Он с трудом заставил себя оторваться от созерцания своей жертвы. Наши взгляды встретились, и я увидел плещущуюся в его глазах боль, купающуюся в целом океане слез. Черты лица грешника оказались сведены судорогой непомерной горечи и отчаянья, а его губы непрерывно шептали: «За что?! Почему?! За что?!»

Что демоны внушили ему? Во что заставили поверить? Кем в его разуме была недавняя противница? Я не имел об этом ни малейшего представления. И даже размышлять на эту тему не хотел. Чем старательнее ты пытаешься отрешиться от всего происходящего в Преисподней, тем проще коротать здесь вечность.

Я не сбавлял скорости, когда проносился мимо горящего грешника. Хоть на то, чтобы его повергнуть и отправить на новый круг ада, у меня уйдет не больше пары секунд, рисковать не хотелось. Пусть по сравнению со мной, он и выглядел зеленым новичком, но всегда существовала опасность, что ко мне за эти мгновения подберется кто-нибудь позубастей. А умирать везде крайне паршиво. Даже в Аду. К такому попросту невозможно привыкнуть.

Пусть это и не было смертью в общепринятом понятии. Ведь все мы здесь давно уже были мертвы. Нас просто ждал следующий виток или круг Преисподней. Тем не менее, наш слабый человеческий разум изо всех сил искал параллели с тем, что ему было известно. Поэтому гибель воспринималась нами как вполне реальная.

Иногда, чтобы мы не скучали и не привыкали, демоны создавали для нас целые миры. В них мы раз за разом переживали самые жуткие и самые страшные эпизоды, какие только могла породить извращенная фантазия здешних властителей. Наши разумы для них были как холсты, на которых они красками боли и крови рисовали свои ужасающие картины. Иной раз твари Преисподней дарили нам иллюзию жизни, чтобы потом растоптать и уничтожить ее.

Боже... жизнь. Как же давно это было? Сколько тысяч лет назад? Я не могу сказать даже приблизительно, потому что ничего о ней и не помню. В моем сознании уже бесконечно долго творился настоящий бардак. Целую вечность мной игрались, как сломанной куклой, примеряя миллионы личин и внушая различные чувства. Я убивал других и умирал сам бесчисленное количество раз, давно уже позабыв, кем я был до всего этого кошмара. Я потерялся в своих воспоминаниях, не имея возможности отличить былую реальность от демонических иллюзий. Я настолько давно позабыл лицо матери, крепкое рукопожатие друга, тепло губ возлюбленной и даже собственное имя, что мне начинало казаться, будто я никогда их и не знал.

Единственное, что я пронес с собой сквозь вечность истязаний, это память о своем последнем вздохе. Горячая ванна, словно наполненная томатным соком, бледно-зеленый кафель стен и мертвенно-бледные пальцы ног, выглядывающие из багровой воды. Эта картина оказалась настолько глубоко высечена в моем разуме, что ее не смогли вытравить даже изобретательные прислужники Сатаны.

Все отвлеченные мысли выветрились из головы, когда наперерез мне метнулся чей-то смазанный силуэт. Я инстинктивно успел расслабить ноги, отчего мгновенно потерял равновесие и совсем неграциозно шлепнулся на землю. По инерции меня пронесло кубарем метра полтора. Небо успело несколько раз поменяться местами с твердью, прежде чем я улучил момент в этом казавшимся бесконтрольным со стороны падения. На очередном витке своего экстренного торможения я напрягся, чтобы придать своему телу нужный импульс, и в следующую секунду меня уже воздело на ноги. Весь этот маневр занял у меня времени меньше, чем мгновение, которое разделяет удары сердца. Скажем так, за столь длительное время пребывания в Аду я научился поистине виртуозно управляться со своим телом в пространстве. Обретенная мной ловкость и грация не снилась даже профессиональным акробатам из моей прошлой жизни.

Оказавшись на ногах, я моментально оценил внешний вид своего противника и расстояние до него. Передо мной из ниоткуда материализовался самый настоящий бес. Он выглядел

отвратительно, как и все остальные его собратья. Существо, похожее на лысую двуногую собаку с россыпью крохотных рожек на черепушке, пялилось на меня мелкими глазками, преисполненными иступляющей злобой. Бесы являли собой самую низшую форму жизни в Преисподней, и слабее них могли быть только мятущиеся души. А потому эти отродья нас ненавидели сильнее прочих демонов. Ведь только на нас они могли удовлетворить свою жажду страданий.

– Эй, греш-ш-шник, – злобно прошипело создание, лизнув собственный нос длинным раздвоенным языком, – подойди ко мне!

Не став достаивать низшего демона ответом, я по-волчьи выгнул спину и опустил голову. Перед собой я выставил руки с растопыренными пальцами и слегка согнул колени, чтобы иметь возможность мгновенно бросить свое тело в стремительный прыжок.

Узри мою нынешнюю стойку какой-нибудь бывалый чемпион по контактным видам спорта, он бы рухнул там, где стоял, хватаясь за живот от смеха. Ему она наверняка показалась бы невероятно нелепой и глупой, однако именно в такой дурацкой защитной позиции я мог предвосхитить практически любую атаку. Порой мне даже удавалось в таком положении устоять и против демонов, которые выходили поразмять на нас свои когти. Пусть недолго, но все же. Можно сказать, что это был мой собственный стиль, за создание которого я платил тысячами своих смертей и долгими веками истязаний.

– Не глупи, греш-ш-шник! – глаза отродья полыхнули пламенем геенны, а на кончиках его когтистых морщинистых лап начали загораться оранжевые искорки. – Ты должен повиноваться, иначе тебя постигнет самая кошмарная участь, которую ты даже не сумеешь вообразить!

Меня не испугало его заявление, потому что каждая несчастная душа, угодившая в Ад, знала, что нет здесь более лживых и подлых тварей, нежели эти. Так что я просто стал воспринимать его как очередное препятствие...

– Ты не понял, ч-ч-ч-червяк?! Я сказал, подойди ко...

Существо прервалось на полуслове, потому что я, подгадав момент, бросился на него, осыпая градом беспорядочных, но неизменно болезненных ударов. За минувшее столетия я успел хорошо изучить слабые места не только у людей...

Создание Преисподней оглушительно зашипело, словно опрокинутый в костер кувшин с водой, и попыталось отогнать меня. Оно замахало лапами, которые уже вовсю полыхали магическим огнем. Эту атаку я пропустил мимо себя, по-змеиному извернувшись, и пламенеющие когти пронесли в считанных миллиметрах от моего лица, опалая кожу жаром.

Бес, не ожидавший от меня такой прыти, успел удивленно что-то твякнуть, а в следующую секунду он уже получил от меня растопыренными пальцами по глазам и разъяренно заверещал. Существо попыталось отшатнуться от меня, но я не дал ему разорвать дистанцию, прыгнув следом, и свалил ослепленного противника наземь.

Вообще бесы были значительно сильнее любого грешника, и их животной мощи с лихвой хватало на то, чтобы играючи изорвать любого из нас в клочья, отправив в следующий виток истязаний. Однако особой сообразительностью и прытью эти отродья геенны не отличались, и зачастую они не могли ничего противопоставить бывалой страдающей душе. Как, например, сейчас. Я уворачивался от каждой, успевая заметить любой направленный в меня удар еще до его начала. А сам я, тем временем, без усталости вколачивал кулаки и локти в голову мерзкому созданию, превращая его и без того безобразную морду в нечто совершенно неопишное.

Но тут вдруг все изменилось. Когда мои содранные об мелкие рожки и шипы руки уже нестерпимо жгло от попавшей на них крови низшего демона, когда с каждым новым ударом трепыхания твари становились все неуверенней, на мои плечи вдруг опустилась неосязаемая, но все же парализующая тяжесть. Словно меня как какого-то паршивого таракана некто огромный и всемогущий зажал меж своих пальцев. Этому незримому сверхсуществу требовалось

добавить лишь один только намек на усилие, чтобы моя душа схлопнулась в кровавую лепешку, оставив после себя лишь бурые влажные подтеки.

Чувство тревоги хлестнуло по нервам многохвостым кнутом, и мне пришлось соскочить с недобитого беса. Я развернулся и заметил, как позади меня плывет пространство. В этом дрожащем мареве то и дело проскакивали крохотные разряды черных молний. И что-то мне казалось, что ничего хорошего мне это не сулит...

Как подтверждение моих самых худших опасений, непонятная аномалия взорвалась мириадами черных вспышек. А еще через пару мгновений рядом со мной материализовалась огромная скалоподобная фигура. Ростом она была выше четырех метров, и одно только запястье этого создания выглядело толще всего моего духовного тела. Монструозная голова существа была под стать его могучему телу. Хищная, злая, свирепая. Ее макушку обрамляло множество угловатых рогов, которые складывались в подобие жуткой короны, причиняющей боль одним своим видом.

Под толстой эбонитовой кожей демона мышцы и жилы перекачивались подобно гигантским сытым змеям, поражая воображение своей мощью. А огромные вытянутые когти на семипалой ладони внушали чувство такого истового ужаса, от которого просто перехватывало дыхание. Истоцаемая этим существом сила была столь велика, что одна только его аура нарушала устойчивость демонической иллюзии, искажая окружающий мир и превращая его в непроглядно черное ничто.

– КАК ТЫ ПОСМЕЛ, ЧЕРВЬ, НАПАСТЬ НА МОЕГО ЭМИССАРА?!

Безжалостный громовой рокот чужого голоса оглушил меня, подобно удару веслом по затылку. Мне вдруг казалось, что одного только гневного взгляда демона хватит для того, чтобы превратить меня в пар.

– Го-с-с-споди-и-ин, я предупреж-ж-ждал его, – донеслось до меня подобострастное шипение беса, – но этот глупец не пос-с-слушал меня!

– ЗАМОЛЧИ, НИКЧЕМЫШ! – где-то неподалеку дрогнула земля, больно толкнув мое распростертое тело, и едва различимый в этом грохоте влажный шлепок подсказал мне, что я остался с могучим демоном наедине.

Я был готов поручиться, что бес-посланник превратился в зловонную массу, размазанную тонким слоем по земле. Но плывущий взор все никак не желало фокусироваться.

– ТЕБЕ ОКАЗАНА ВЕЛИКАЯ ЧЕСТЬ, НО ЕСЛИ ТЫ ПОСРАМИШЬ МЕНЯ ПЕРЕД МЕССЕРОМ, ТО ПРОШЕДШИЕ СТОЛЕТИЯ В МОЕМ ДОМИНИОНЕ ПОКАЖУТСЯ ТЕБЕ РАЕМ... – прогрохотало над моей головой.

Ни слова из сказанного этим Бароном Ада я не понимал. Какая честь? Какой Мессер? Что вообще могло потребоваться высшему существу от измученного грешника, вроде меня?

Я не успел ничего сделать, когда огромная демоническая рука метнулась ко мне, размазываясь в пространстве темным росчерком. И сразу тяжесть тысячи гор сдавила меня со всех сторон, лишая возможности дышать. Давление было столь сильным, что уже через несколько мгновений тьма затопила разум, и я уж было решил, что теперь проведу остаток вечности в этом мрачном небытии. Мне на полном серьезе показалось, что демон попросту уничтожил мою душу, подвесив остатки сознания медленно истлевать в непроглядном ничто...

Но не успело переполощенное сердце сделать и десятка ударов, как зрение постепенно начало возвращаться ко мне. Я осознал себя лежащим перед багровым тронном, подступы к которому освещались таким же темно-красным пламенем. Оно своим насыщенным и противоестественным цветом могло посоперничать с кровью, а бросаемые им отблески превращали само пространство в жутчайшую адскую фантазмагорию.

Украдкой бросив взгляд по сторонам, я внутренне содрогнулся от чудовищного отвращения. Куда бы меня не перенес демон, но это было самое мерзкое место, которое только можно вообразить. Даже во всей Преисподней не нашлось бы ничего даже отдаленно столь

отталкивающего и гадкого. Описывать это зрелище простыми человеческими словами так же безнадежно, как пытаться грешнику объяснить, что такое Эдем.

Первое, что бросилось мне в глаза, так это то, что стены, пол, уродливые колонны и застывшие в мученических позах статуи были *живыми*. Я не знаю, почему мне так показалось, но во мне просто одномоментно родилась уверенность, что этот черный камень скрывает в себе пульсацию темной скверны. Она жила, она существовала, она стремилась опорочить и измарать все, до чего только могла дотянуться. Ее токи пронизывали собой весь этот жуткий зал, отчего мне начинало казаться, будто сами стены стонут от нестерпимой муки.

Внезапно меня поразило словно громом, потому что я вдруг увидел фигуру, которая была сосредоточием этой концентрированной ненависти ко всему существу. Она расслабленно восседала на багряном троне, хотя я готов поклясться, что секундой ранее он пустовал. Без лишних слов стало понятно, что я удостоился аудиенции у самого Князя Тьмы...

Дьявол выглядел не столь чудовищно, как его эбонитовый посланник, и мало чем внешне отличался от обычного человека. Однако спутать его с каким-нибудь смертным смог бы, пожалуй, только полный болван или абсолютный слепец.

– Посмотри на меня, грешник, – донесся до меня мелодичный и приятный голос, который мог бы принадлежать самому искусному менестрелю, но никак не повелителю Ада. И только лишь непререкаемое могущество и властность, звучавшие в этих словах, смутно намекали, что ни один певец не может *так* разговаривать.

Несмотря на то, что противиться этому приказу не сумел бы даже самый гордый и стойкий смертный, я не подчинился ему.

– Ты что, оглох? Я сказал, *посмотри на меня!*

В голосе Дьявола прорезался металл, который острыми зазубринами прошелся по остаткам моей личности, истязая и калеча саму человеческую суть. И только тогда я вскинул голову и отыскать плывущим взглядом восседающий на троне силуэт.

Наши взгляды встретились...

Ох, что это были за глаза. Я наивно полагал, что целые эпохи, проведенные в аду, научили меня ничему не удивляться и ничего не пугаться. Но я никогда не ошибался так сильно. Зияющая в этих темных провалах бездна пленила и просто высасывала волю, отнимая способность мыслить.

– Как тебя зовут, грешник? – поинтересовался Сатана. Но мне нечего было ему ответить. Я давно уже не знал своего имени...

– Я не помню... – потерянно признался я.

Дьявол усмехнулся, и его мимолетная улыбка выглядела столь жестоко и зло, что один только ее вид причинил мне больше страданий, чем я перенес за последнее столетие! Боль острыми пилами резанула по глазам, и я спешно закрыл их ладонями. А когда отнял их, то затуманенным взором сумел рассмотреть на них кровавые разводы.

– Ты мне подходишь, грешник, – вынес вердикт Сатана, – так что внимательно слушай мое повеление. Знай, что ты полностью в моей власти, как и любая другая душа здесь. Поэтому не допускай даже тени мысли, будто тебе под силу меня обмануть. Подобной дерзости я не потерплю. И не прощу...

Дьявол не опускался до пустых угроз, а просто констатировал факт. Он всего лишь говорил о том, что непременно случится.

– Связь этого места с твоим духом останется навсегда. Частичка ада будет сопровождать тебя везде, куда бы ты ни направился. Так что помни, каким бы свободным ты себе не казался, плоть смертна, а человеческая жизнь слишком скоротечна. Для тебя прожитые годы могут показаться невероятно долгими, а для меня они пронесутся как один миг. Поэтому если ты вдруг решишь пренебречь моими словами и не выполнишь задания, которое я тебе поручу, то мой гнев даже не успеет к тому моменту улечься. Тебе понятно, грешник?

– Да... – хрипло промолвил я, всё ещё не понимая, что происходит.

– Прекрасно, тогда сегодня наступил твой самый счастливый день. Ты только что получил редчайший шанс прожить вторую жизнь. И тебе не следует забывать, кто тебе ее подарил. Если сделаешь все как нужно, то награда просто поразит твое жалкое воображение. Не исключено даже что ты сумеешь занять собственное место в моем Пандемониуме. Пусть оно будет в самом низу, едва ли выше презренных бесов, но в твоём распоряжении окажется все время вселенной, чтобы попытаться продвинуться вверх.

Я слушал Дьявола, затаив дыхание, и не мог поверить, что это происходит со мной. Шанс на новую жизнь?! Возможность стать демоном?! Я не ослышался?! Разве так бывает?! Хотя, если подумать, что я вообще знал о Сатане, кроме того, что он властитель Преисподней?

– Первым делом, грешник, ты должен стать сильнее. Отрастить острые клыки и развить огрызки своего духа. Освой то, что смертные того мира считают магией. Пока это твоя основная задача, для выполнения которой тебе понадобится кое-что еще...

Фигура Князя Преисподней величественно поднялась со своего трона, и его длинные темные одежды покачнулись в такт этому движению. Он сделал один шаг, за ним второй. И чем ближе он становился, тем ярче начинали светиться его демонические глаза.

– Ты попадешь в заурядный, на первый взгляд, мир. Однако он очень важен. И именно поэтому я хочу вручить тебе нечто очень дорогое для меня. Гордись и трепещи ничтожество, ведь ничего подобного не случилось с начала времен...

Окончание чужой фразы потонуло в истошном крике, который, как я с удивлением осознал, исходил из моего горла. Вопль рвал голосовые связки, то и дело срываясь на хрип, а мои лопатки будто бы подцепили тупыми крюками и сейчас неспешно выворачивали их из спины. Будучи пленником Ада, я прошел, наверное, через все пытки, которые только могли существовать во всей вселенной. Но даже все эти пропитанные страданием и муками тысячелетия не стояли и близко к той агонии, что сейчас корежила меня. Это была Боль. Боль с большой буквы, концентрированная и всепоглощающая.

Когда мне уже стало казаться, что эта жесточайшая пытка растворит мою душу, подобно кислоте, все прекратилось так же резко, как и началось. Я почувствовал, как меня нежно укрыло что-то мягкое и прохладное. Словно я маленький цыпленок, которого матушка-наседка спрятала под крыло. Туда, где было тепло, уютно и безопасно. И я замер, боясь спугнуть это невиданное для Преисподней наваждение. Однако глаза пришлось все-таки открыть. Все же Ад это не то место, где можно позволить себе расслабляться...

Но единственное что я увидел, распахнув веки, был непроглядный мрак. Сперва я испугался, что ослеп от боли, но потом заметил узкие полоски света, едва пробивающиеся сквозь бархатную тьму. Боязливо протянув руку, я с удивлением обнаружил, что эту темноту можно... пощупать? Что это?! Неужели перья?!

Осознание того, что из моей спины растут широкие и длинные крылья, укрывающие меня с головы до пят, стало для меня каким-то невообразимым откровением. Я взмахнул ими несколько раз, напрягая мышцы, которых отродясь не было в моем теле, и по помещению пронесся маленький ураган из пыли и песка. И только сейчас я обратил внимание, что нахожусь в абсолютно пустом зале, откуда исчезла пульсирующая скверна, Дьявол, багровые огни и жуткий трон. Вместо них меня окружали своды полузаброшенного храма, который планировкой был лишь отдаленно похож на ту обитель, где меня встречал Князь Тьмы. Отдаленно, но все же узнаваемо...

Пол и стены больше не выглядели живыми, и статуи стали вполне обычными, а не перекрученными в мучительных пароксизмах уродцами. А на том месте, где ранее восседал Дьявол, теперь высилась большая каменная купель, доверху наполненная кристально чистой водой. Я подошел к ней и вздрогнул, увидев свое истинное отражение, а не морок, наведенный демонами.

Водная гладь показала мне иссеченного жуткими шрамами мужчину с длинными спутанными волосами и потухшими провалами мертвых глаз. Простирающиеся за моими плечами величественные черные дьявольские крылья выглядели на фоне моего общего облика какой-то злой насмешкой. Как изысканная золотая корона на челе лохматого бродяги.

Отстранившись от рассматривания своей собственной души, я запустил в купель обе руки и с наслаждением зачерпнул прохладную чистую воду. Каскад прозрачных брызг обрушился на мое лицо, и я представил, как эта вода смывает с меня всю грязь, отчаянье, безнадежность и тоску, копившиеся во мне тысячи и тысячи лет. Удивительное дело, но действительно почувствовал себя немного лучше. По крайней мере, перестали болеть поврежденные в недавней схватке с бесом кулаки.

Посмотрев еще раз вглубь каменной купели, я заметил, что ее дно находится гораздо глубже, чем должно. А при ближайшем рассмотрении оказалось, что это и не дно вовсе, а сгущающаяся темнота глубокой бездны. Обведя еще раз взглядом помещение и не заметив ничего, что выглядело бы как выход, я с решительностью самоубийцы перевалился через край большого сосуда, ныряя в него с головой. Где-то там, во мраке этой бесконечной пучины, меня ждала новая жизнь, дарованная самим Дьяволом...

Глава 2

Прелюдия новой жизни

Голова просто раскалывалась от дикой боли, которая неумолимо распугивала любые мысли и занимала господствующее место в разуме. Однако мне, прошедшему все пытки Ада, она не казалась чем-то особо существенным.

Я попытался распахнуть веки, но солнечный свет так сильно резанул по глазам, что рефлекс на короткий миг взяли верх над слабым телом. Я непроизвольно застонал и снова зажмурился. Ничего не сказать, вполне естественное и закономерное начало новой жизни. Через боль мы приходим в этот мир, и с болью покидаем его.

Где-то поблизости раздались торопливые шаги, которым вторил скрип разошедшего деревянного пола, и на мой лоб опустилась чья-то мягкая ладонь. Зазвучавшие следом за этим слова были нежны, как весенний ветерок, и теплы, словно утреннее солнышко. И хоть я отчетливо слышал женский голос, понимал его ласковые интонации, но вот сам смысл сказанного от меня ускользал. То ли ослепляющая головная боль мешала сконцентрироваться, то ли мне попросту не был знаком этот язык.

– Это моя мама. Она просит, чтобы я отдыхал и не пытался встать.

Если б я мог, то наверняка бы вздрогнул. Но мышцы пока отказывались мне подчиняться.

– Кто ты?! – обеспокоенно спросил я, не понимая даже, как можно попытаться увидеть неизвестного гостя в моем сознании.

– Я Данмар, – незамедлительно раздалось в ответ. – А тебя как зовут?

Вопрос прозвучал настолько по-детски непосредственно, что у меня не осталось никаких сомнений – со мной говорит какой-то ребенок.

– Меня... у меня нет имени, – признался я, почему-то немного смутившись.

– Как это? Так ведь не может быть! У всего сущего есть имя, ведь таков порядок вещей. И уж тем более, его не может не быть у ангела! Может, ты просто не хочешь мне его называть?

– У ангела? – глупо переспросил я.

– Ну да! Я же вижу твои крылья! – я будто наяву увидел мальчишескую фигуру, всплескивающую руками в неподдельном возбуждении.

– Так ты меня видишь? – уточнил я без особой надобности, пытаясь потянуть время и понять, что мне вообще следует делать в такой ситуации.

Мой закаленный в сотнях тысяч боев и схваток разум заработал на пределе возможностей, пытаясь просчитать и предугадать последствия от той или иной моей реплики. Сейчас меня явно принимают не за того, кем я являюсь. И, боюсь, в моих же интересах поддерживать это заблуждение в невидимом собеседнике.

– Конечно, – последовал гордый ответ, – ты появился сразу, как только я упал с лошади и потерял сознание.

– А что ты еще здесь видишь, Данмар?

– Ничего, – признался невидимый мальчишка. – Только тебя, твои большие крылья и темноту. Пока ты спал, я пытался к тебе прикоснуться, но не смог увидеть даже своей вытянутой руки.

– Расскажи подробнее, – попросил я, – что случилось, прежде чем ты оказался в этой пустоте?

Данмар горестно вздохнул, и мое воображение дорисовало то, чего не могли видеть глаза – образ понурого мальчугана, смущенно чешущего в затылке.

– Да по глупости, в общем-то. К папе приехал покупатель на телеге, и я не удержался от того, чтобы по ней ползать, пока они там решают свои дела. Да только запряженная кобыла

оказалась совсем уж дикая, я только на мостки взобрался, а она как дернется, представляешь?! Я вперед свалился, а эта падлюка гнедая меня в голову лягнула копытом. Это дня два назад, наверное, было. И с тех пор я сижу тут в темноте...

– И тебе совсем не страшно в этом мраке? – осведомился я, продолжая прощупывать почву и осторожно знакомиться с личностью ребенка.

– Я думал, что умер, и что вечно теперь буду заточен в непроглядной мгле, – поделился Данмар. – Но потом почувствовал чье-то присутствие. А когда огляделся, то увидел спящего тебя. Тогда я понял, что мне ничего не грозит. Ты ведь пришел не просто так, да? Тебя же наверняка ниспослал Ворган, чтобы ты помог мне, правда?

Ну, по крайней мере для меня тут все было очевидно. Малец, увидав за моей спиной подарок Князя Тьмы, принял меня за ангела в том классическом виде, в каком их рисовали в моем мире. Хотя, конечно, такое поразительное сходство должно стать поводом для настороженности. В том, что существуют демоны, я уже давно не сомневался. Но если здесь еще обитают и их пернатые антагонисты, то мне следует быть предельно осторожным. Почему-то у меня не было сомнений, что узнав об одном самозванце, они неизменно захотят покарать такого наглеца. Ну а Ворган, по-видимому, какое-то местное божество, в которое верят здешние обитатели. Кстати, вполне вероятно, реально существующее.

И тут вдруг я узрел двойное дно у миссии Дьявола. Он не просто даровал мне шанс прожить новую жизнь. Он отдал мне *чужую!* Теперь я вынужден был делить тело с несчастным мальчиком, сознание которого обретается где-то на задворках, бессильно наблюдая за странным пришельцем. Воистину жесткая и бесчеловечная участь, которую не пожелаешь даже самому лютому врагу... Но вполне в духе Повелителя Демонов.

И пусть я был грешником, лишенным права на мирное посмертие, пусть я совершал в Аду по отношению к другим душам ужасные и отвратительные вещи, но даже мне это казалось несправедливым и жестоким. Но в то же время у меня не было иного выбора. Я не знал, можно ли вообще покинуть тело Данмара, не навредив ему. Да и, признаться, не собирался этого делать. Ведь ощущение вожделенного покоя было слишком сильным, чтобы я мог отказаться от него и вернуться в Преисподнюю. Похоже, я не только самоубийца, но еще и жалкий трус...

Но покажите мне того, кто осмелился бы воспротивиться воле Князя Тьмы? Даже сейчас, когда я понимал, что нахожусь где-то далеко за пределами его власти, воспоминания о той беспомощности, что я испытывал перед его взором, подавляли и угнетали меня. Они не оставляли мне даже призрачного шанса на то, чтобы послушаться приказа. Это попросту выше меня...

А обратной стороной этой угрозы была невероятная награда. Стать демоном... кто бы мог подумать, что в аду вообще возможно из жертвы превратиться в палача. Конечно, подобный исход опять будоражил мою недобитую совесть, которая вопрошала, а смогу ли я делать с несчастными грешниками все то, что прислужники Дьявола вытворяли со мной? Но трус, живущий внутри моего разума, уже знал ответ на этот вопрос. Да, смогу. Я стану делать что угодно, лишь бы никогда больше не познать этого черного отчаянья и безысходности...

– Извини, Данмар, – медленно проговорил я, тщательно взвешивая каждое слово, – но я не могу с тобой обсуждать намерения высших сил.

– М-м-м... Я понимаю. – отозвался юнец несколько обиженно, и мне почему-то показалось, что жизни в его голосе стало чуточку меньше. – Смертным нельзя знать о замыслах богов. Они настолько сложны, что мы, пытаясь их постичь, просто сойдем с ума.

– Да, пожалуй, что ты прав, – подтвердил я слова мальчика, делая вид, что не заметил досады в его речи.

Мы с Данмаром немного помолчали, потому что я не знал, с чего лучше начать расспросы, чтобы ненароком не вызвать подозрений у мальчишки, но в этот момент дала о себе знать его мама. Она снова погладила сына по лицу, и я ощутил эти прикосновения, как будто

находился в собственном теле. А затем она о чем-то спросила, но я, как и прежде, не смог разобрать ни единого слова.

– Что она говорит? – спросил я у ребенка.

– Мама спрашивает, не хочу ли я пить.

– А ты хочешь?

– Я не знаю, – почему-то мне привиделось, как шуплый детский силуэт пожимает худыми плечами на фоне непроглядного мрака, – я перестал чувствовать свое тело. Но, наверное, уже пора бы и смочить горло.

– А может быть тогда я попробую ответить ей?

Я боялся, что Данмар воспротивится, и наше невольное соседство сразу же перейдет в стадию конфликта. Однако малец вопреки моим опасениям как-то уж слишком легко согласился. Видимо, его степень доверия к «ангелу» была настолько велика, что его не пугал даже тот факт, что его телом управляю я, а не он.

Получив от мальчика добро, я еще раз попытался распахнуть веки. Боль тут же безжалостно сдавила череп огромной шипастой пятерней, однако на этот раз приступ оказался не столь сильным. Я сумел без особого напряжения разглядеть склонившееся надо мной миловидное женское лицо... кхм... точнее будет сказать над Данмаром. Все-таки не стоит забывать, кто истинный владелец этой плоти.

Мама мальчишки оказалась настоящей красавицей. Скорее даже слово «красавица» недостаточно емкое и красочное для описания ее привлекательности. Впрочем, не думаю, что моей изуродованной душе вообще позволено судить о красоте. Вполне возможно, что мое восприятие сейчас искажено до неузнаваемости, и я пока просто не в состоянии трезво оценивать свое окружение.

Но все же темные волосы, шелковыми каскадами спускающиеся ей на плечи, не могли не притягивать моего взора. Равно как и глубина ярких зеленых глаз, в которых, казалось, можно утонуть. Прекрасный образ женщины довершала светлая без единого изъяна гладкая кожа и чувственные пухлые губы. И я не мог не заметить, что ее ослепительное великолепие резко контрастировало с откровенно крестьянским убранством комнаты, в которой мы находились. Будто бы прекрасная принцесса почтила своим вниманием обитель нищего простолюдина.

Увидев, что я смотрю на нее, мама Данмара что-то успокаивающе зашептала и снова провела нежной теплой ладонью по его щеке. Затем она поднесла ко рту ребенка какую-то плоскую пиалу, и я послушно сделал большой глоток прохладной воды.

Да, это была самая обычная вода, но мне она показалась слаще божественной амброзии. Первые же капли влаги просто взорвали мое сознание фейерверком блаженства, и я совершенно неосознанно вспомнил свой родной, казалось, безвозвратно позабытый язык...

– Блин, как же прекрасно... – пробормотал я на давно позабытом языке, силясь вспомнить, как звучат остальные его слова.

Мгновением позже, конечно же, я спохватился и тут же стиснул зубы, чтоб не ляпнуть еще чего-нибудь лишнего. Но было уже поздно. Невовремя выскочившая реплика несколько насторожила женщину. Она наклонилась ближе, и с тревогой стала всматриваться в мои затуманенные болью глаза.

– Данмар, как мне поблагодарить твою маму? Что нужно сказать? – Поспешил я обратиться к мальчишке, чтобы попытаться сгладить неловкую ситуацию.

– Скажи ей: «Efharisto, Mitera», – почти мгновенно отозвался голос в моей голове. – Это означает: «Спасибо, мама».

Я постарался повторить за мальчишкой наиболее точно, чтобы со стороны не казалось, будто я говорю на этом языке впервые. Но судя по тому, что обеспокоилась женщина еще сильнее, я справился паршиво.

– Милый, что с тобой? Почему ты так странно разговариваешь? – перевел мне ребенок слова матери.

– Извини, у меня в голове сплошной туман... – пролепетал я непослушными устами. – Кажется, я слишком сильно ударился...

Эту реплику мне юнец диктовал чуть ли не по слогам, потому что для моего слуха она звучала откровенной тарабарщиной. Воспроизвести нечто подобное с первого раза у меня никогда бы не получилось.

В конечном итоге мама Данмара не сказать, что успокоилась, но все же донимать расспросами страдающего ребенка перестала. Когда она ушла, на прощание потрогав лоб мальчика, я снова заговорил с юнцом, пытаюсь хоть немного прояснить для себя ситуацию.

– Слушай, а как так получается, что я не знаю ни слова из вашего языка, но понимаю тебя?

– Это мне неведомо. Я ведь даже не говорю, а просто думаю о чем-то, а ты меня слышишь.

– Хм... вот оно что... – задумчиво протянул я. – Значит, просто думаешь...

Похоже, наша ментальная связь с Данмаром оказалась чем-то более глубоким, нежели простое словесное общение. Она позволяла нам понимать друг друга с полумысли. И даже то обстоятельство, что ни один из нас не знал языка другого, не мог воспрепятствовать нашей коммуникации. Что ж, этим вполне можно воспользоваться, чтобы хоть немного изучить здешний диалект. Иначе я рискую выглядеть крайне странно, если буду подолгу вспоминать слова и цедить их по слогам.

Всю последующую ночь нам с Данмаром никто не мешал. Я расспрашивал мальчика, пытаюсь схематично обрисовать картину окружающего мира. А он мне отвечал в меру своей детской осведомленности. Правда мне периодически казалось, что с каждым новым вопросом желания разговаривать у него словно бы убавляется. Будто он засыпает на ходу.

Вот так я и коротал время до рассвета, впитывая все новые и новые знания. Меня ждало еще много всего неизведанного, однако мой образовательный процесс вскоре наглейшим образом прервали. К утру в крохотной комнатухе, где лежал мальчик, столпилась целая делегация. Возглавляла ее уже виденная мной мать, на лице которой помимо искреннего беспокойства оставила свой отпечаток еще и бессонная ночь, полная волнений и переживаний за сына. За ней бочком, стараясь ничего не задеть и не свалить, протиснулся огромный медведеподобный здоровяк. Как поведал мне Данмар, это был его отец. Великан часто оглаживал свою густую бороду, которая своей пышностью могла посрамить иной веник, и тоже выражал своим видом крайнюю степень обеспокоенности. А последним вошел сухопарый мужчина, облаченный в иссиня-черные одежды. И незнакомец, в противовес тревожным родителям, совершенно не выглядел взволнованным. Он источал такое подавляющее спокойствие и монументальную уверенность, что их можно было почувствовать едва ли не физически.

Этот пришелец смотрелся раза в два меньше, чем папа мальчишки, но впечатление, которое он производил, оказалось во много крат сильнее. Его цепкий взгляд, казалось, обжигал кожу, вызывая постыдное желание спрятаться. А та плавная грация, с которой он двигался, рождала ассоциации с сытым хищником, способным разорвать любого в мгновение ока, ежели возникнет необходимость. Сидящие на нем словно влитые одеяния, больше похожие на изящный доспех, невольно притягивали взгляд к его мужественной фигуре и пугали своим грозным великолепием. Довершал облик воина щит, торчащий из-за плеча, и многочисленное клинковое оружие, развешанное по его экипировке в самых неожиданных местах. В общем, что ни говори, а шутить с таким человеком мало кому захочется.

Затуманенным от головной боли взглядом я наблюдал, как мама и папа Данмара встали чуть поодаль, не приближаясь к кровати с сыном, а суровый визитер подошел вплотную и склонился над телом ребенка, жгучим взором впиваясь ему в лицо. Дьявол и его приспешники!

Мне показалось, что от его взора на самом деле исходило тепло! Причем, я бы не сказал, что приятное.

Я немного отвлекся, когда перед моим носом качнулся на длинной цепочке медальон, который мужчина носил на шее. Украшение было выполнено в виде меча с крестообразной костяной рукоятью, имевшего вместо навершия круглое отверстие для цепи. И этот кулон выглядел столь необычно и интересно, что я на некоторое время забылся, разглядывая его с огромным интересом.

Когда же я спохватился и понял, что все это время незнакомец пристально наблюдал за моей реакцией, попытался прикрыть глаза и сделать вид, что мне слишком плохо, чтобы происходящее в этой комнате могло меня хоть как-то тронуть.

– Данмар, – спросил я у мальчика, – что происходит? Кто этот человек?

– Это жрец Воргана, – пассивно отозвался юнец. За тот короткий промежуток, что мы с ним не общались, он стал еще более безучастным ко всему. Теперь у меня уже не осталось сомнений – чем больше времени я проводил с ним, тем меньше эмоций и искренности от Данмара исходило. Мальчишка становился похожим на бездушную машину, которая только и делала, что бесстрастно отвечала на мои вопросы или давала подсказки, но и только.

– Жрец? – глупо переспросил я, наблюдая из-под опущенных век за странными и непонятными манипуляциям незнакомца над телом юнца. – Больше похож на матерого воителя.

– Так и есть, – сухо подтвердил ребенок. – Все последователи Воргана воители. Иных он не приемлет.

– И почему так? – попытался я растормошить мальчика, чтобы услышать от него хотя бы намеки на ту живость и интерес, которые я ощущал в первые секунды нашего с ним знакомства.

– Странно, что ангел не знает историю вознесения Воргана и его дружины...

Некоторый намек на недоверие, прозвучавший в словах Данмара, сперва немного обнадежил меня. Я посчитал, что малец снова начинает оживать. Однако после он продолжил рассказывать мне историю религии его мира совершенно безжизненным голосом, не проявляя вообще никакой заинтересованности в том, о чем говорил.

– Много-много веков назад наш мир стоял на грани уничтожения. Его пытались захватить и пожрать проклятые демоны, лезущие откуда-то из недр самой земли. Их было так много, что все близлежащие государства оказались обескровлены в этом суровом противостоянии. Но нашелся один мудрый герой, который предположил, что у темных отродий должен быть лидер. Тот, кто всеми ими руководит, словно королева своими пчелами. Имя тому герою было Ворган. Он собрал вокруг себя невероятно огромную армию, в которую вступил каждый мужчина, умеющий держать меч. Легенда гласит, будто он уничтожил демонов столь неистово, что сам Нечестивый Царь не выдержал и пришел на помощь своей орде. Их битва длилась несколько недель. Людям приходилось спать едва ли не под ногами своих сотоварищей, которые сдерживали натиск чудищ. Говорят, что Князь Демонов оказался столь могуч, что пыль, поднятая взмахами его жутких крыльев, не оседала больше десятка лет, заслоняя собой солнце. Но Ворган все равно оказался сильнее. Он одолел Дьявола последним могучим ударом, в который вложил все, что было в его душе. Атака героя оказалась настолько ужасающей, что воздушная волна, разошедшаяся от его меча, не только разрешила пополам самого Повелителя Нечисти, но и ушла дальше в небо, столкнувшись с луной. С тех самых пор, вместо небесного светила на нашем небе мерцают лишь мириады его обломков. К сожалению, в той безумной схватке из всех мужчин нашего мира выжила лишь жалкая тысяча человек. И после этого кровопролития, Ворган решил, что его долг впредь не допускать подобных ужасов. Он вырезал сердце поверженного Дьявола и повесил его себе на шею, в качестве предостережения всем тем, кто вздумает покушаться на нас. Используя демоническую силу, герой вознесся на небо, туда, где когда-то светила луна, чтобы навечно стать бессмертным стражем. А чтобы все выжившие воины, которые не жалели ни крови, ни живота своего, смогли последовать за ним, Ворган

даровал всем им крылья, сделав ангелами этого мира. Так он и стал богом-стражем, возглавив небесную тысячу. И теперь мы все поклоняемся им, как избавителям и спасителям, вознося благодарности за то, что дали отпор проклятым захватчикам.

– Хм-м... – с сомнением пробормотал я, выслушав долгий рассказ мальчика, – пыль, не оседающая несколько лет, разлом естественного спутника... Больше похоже на какую-то природную катастрофу, вроде падения метеорита, чем на битву с демонами.

После длительной и монотонной речи, я уже не боялся вызвать у Данмара какие-либо подозрения своей неосведомленностью. Ведь ребенок даже о героических битвах древности рассказывал как-то пресно и безынтересно. Хотя эта тема, как мне казалось, должна была в любом мальчишке пробудить искру интереса.

Мне откровенно не нравилось, как Данмар угасает и теряет интерес ко всему происходящему, поэтому я старался задавать ему наиболее провокационные вопросы. Такие, которые могли бы выдернуть юнца из кокона безразличия, в который он постепенно укутывался. Но даже так критическое мышление ребенка никак не желало пробуждаться и срывать оковы дурмана с его разума.

– Я не знаю, кто такой Метеорит, но Орден Костяного Меча и его жрецы рассказывают такую историю, – вяло отозвался мальчик, – и мы все верим именно в нее.

– Как зовут это дитя? – внезапно раздавшийся над моим ухом голос чуть не заставил меня подпрыгнуть.

Немного приоткрыв глаза, я посмотрел на сурового жреца, который не сводил с мальчика своего пронзительного и колючего взгляда. В одной только сказанной им короткой фразе мне послышались отголоски карканья могильных воронов, звон металла и крики умирающих на поле боя солдат. Было заметно, что незнакомец больше привык рвать голосовые связки в строю, укрываясь от ливня стрел, или бросать в лицо врагу свой боевой клич, нежели вести светские беседы.

– Я назвала его Данмар, – перевел мне мальчик слова матери, которая подалась вперед, но тут же была остановлена повелительным жестом незнакомца.

– Почему именно это имя? – продолжал допытываться он.

– Э-э-э... я не знаю. Так звали моего деда, и я решила, что...

Непонятно почему, но женщина смутилась, потупив взор, и принялась нервно тереть край своего белого передника, словно рассказывала о чем-то постыдном.

– Ты знаешь, что это означает на Айну?! – в голосе жреца послышались нотки пока еще далекого грома, и оба родителя Данмара опасливо отступили на полшага, едва не вжимаясь в стены.

– Нет... я не знала, что такое слово есть в Айну, – промямлила вмиг побледневшая мать, – я думала, это просто красивое имя...

– А где был ты, – взор воина обратился на мужчину, – когда глупая женщина вознамерилась играть с судьбой твоего сына?!

Отец в ответ на это обвинение лишь гневно сверкнул глазами, но ничего не решился ответить. Он только крепче стиснул руки на груди и насупился.

Я же в этот момент наблюдал за не совсем понятной мне сценой, и ломал голову над тем, что вообще происходит. Поэтому, когда в диалоге образовалась небольшая пауза, я поспешил уточнить у Данмара:

– А что такое Айну, и каким образом имя способно влиять на твою судьбу?

– Айну, – покорно отозвался ребенок, – это древний язык, на котором давно уже никто не разговаривает. Многие считают, что его слова обладают великой силой, и что если дать человеку подходящее имя из этого языка, то оно поможет ему в дальнейшей жизни. Или погубит, если ошибиться.

– Сурово... И что же означает твое имя?

– Я не знаю...

Вообще-то, пока все это звучит вполне безобидно. По-моему, подобные суеверия наличествуют у каждого народа. Даже в моей прошлой жизни, кажется, существовало нечто подобное. Ну и мне совершенно понятно стремление людей придумать своему отпрыску имя, надеясь, что оно ему поможет построить безоблачное будущее. Но почему тогда жрец так сильно ярится? Неужели грозный воин так серьезно относится к подобным дикарским поверьям?

– Danmarg с Айну переводится как «Проклятие», – припечатал воин, заставляя кровь отлить от лиц родителей юнца.

Отец побледнел и насупился еще сильнее, а мать так и вовсе испуганно прижала к лицу ладони. М-да, похоже, в силу имен местные очень даже искренне верят...

– Но как же... – женщина начала всхлипывать, но под грозным взглядом жреца устыдилась своей слабости и попыталась совладать с переполняющими ее чувствами. – Что же теперь делать? Клянусь небом, я не знала об этом! Я не желала зла *моему собственному* сыну!

– Нашему сыну! – зачем-то вставил отец Данмара, но на его замечание никто даже не обратил внимания.

– Уже поздно что-либо делать, – вынес вердикт закованный в доспех незнакомец. – Если воля мальчика окажется сильнее его имени, то, возможно, он сумеет переломить свою судьбу. А если нет, то он не доживет до заката следующего осколка. Это все, что я могу вам сказать.

– Но подождите, домин! – вскричала мать, увидев, что воин намеревается покинуть комнату с больным сыном. – Вы уверены, что это не одержимость? Я же своими ушами слышала, как Данмар пробормотал что-то на незнакомом языке! А свой родной, наоборот, словно бы начал забывать! Это ведь...

– Во-первых, – грубо прервал женщину жрец, – я не домин. Я просто преданный последователь Воргана, и никаких титулов помимо этого мне не нужно. А во-вторых...

Лицо воителя немного разгладилось. Видимо, это должно было продемонстрировать участие и сочувствие нелегкой беде, постигшей маленькую семью.

– Во-вторых, – повторил незнакомец, – я не ощущаю в этом мальчике демонического присутствия. Он абсолютно чист. Здесь моя сила бесполезна, поэтому простите. Вам лучше обратиться к целителю. Скорее всего, это просто последствия удара головой. Я много слышал о таких случаях, когда после особо сильной травмы люди лишались памяти или даже рассудка. Но мой Орден в этом вам не сможет помочь...

Мужчина в доспехах отошел от постели мальчика, направляясь к выходу, и никто не стал ему препятствовать. А я только сейчас осознал задумку Князя Тьмы, который вместо миллионов бесконечно преданных ему демонов отправил в этот мир простого грешника. Если уж здесь бродят столь матерые жрецы бога-воителя, которые по совместительству еще и демоноборцы, то, очевидно, завладеть телом какого-нибудь местного аборигена задача для них отнюдь не из легких. Их быстро вычислят и уничтожат, не дав даже толком осмотреться по сторонам.

Когда за воином закрылась дверь, отец мальчишки обратил на мать свой разгневанный взор, меча молнии из-под опущенных бровей.

– Что это значит, Ирида? – требовательно воззрился он на супругу.

– Что именно? – тускло отозвалась женщина, то и дело косясь на койку с неподвижным сыном.

– Не увливай, ты понимаешь, о чем я! Я прекрасно помню тебя на сносях. Ты с самого первого дня была убеждена, что у нас родится сын, и имя ты ему выбирала без меня. И только спустя девять лет я узнаю, что оно значит...

– К чему ты клонишь, Эпимос? – голос красавицы моментально сделался ледяным, как высокогорный ветер, но мужчина на эту перемену даже не моргнул. – Неужели ты думаешь, что я способна желать зла свое... нашему сыну?!

Мой слух снова царапнула ее оговорка, но бородатый великан ее проигнорировал.

– А о чем я еще должен думать, Ирида?! – отец мальчика, к своей чести, на женскую манипуляцию не поддался, и продолжал стоять на своем. Я, прошедший сотни и тысячи лет среди всевозможных пороков, насмотрелся за это время всякого. И мне сейчас было заметно, что мама Данмара не до конца откровенна со своим мужем. Она явно о чем-то недоговаривает или даже что-то скрывает. Какого-нибудь простого смертного ее показное негодование вполне могло обмануть, но не грешника, прошедшего миллионы километров адских троп.

– Лучше бы ты подумал, где нам взять денег на лечение Данмара! – женщина перешла на крик и слишком поспешно сменила тему, не желая развивать разговор в том направлении, куда его вел здоровяк. Правда, очевидным это оказалось только для меня, потому как отец мальчика, услышав о деньгах, тут же поник и опустил плечи. Даже его окладистая борода стала выглядеть какой-то пожухлой и неухоженной, словно старая мочалка.

– Я могу продать кузню, – упавшим голосом проговорил он, – вырученного серебра должно хватить на услуги какого-нибудь целителя...

– Этого мало, – грустно покачала головой родительница. – Ты же видишь, что ему становится хуже с каждым днем. Данмар уже даже начал забывать слова. И если жрец Воргана сказал, что виной тому не нечистые сущности, завладевшие его разумом, то значит все очень серьезно! «Какой-нибудь» целитель тут не справится. Нашему сыну необходим мудрый и опытный лекарь, а таковые берут оплату только золотом...

– Я все это понимаю! – в отчаянии прорычал мужчина, хватаясь за голову. – Но что я могу сделать?! Где мне заработать столько монет, да еще за столь короткий срок?!

– Вот именно, Эпимос...

Несмотря на то, что разговор между ними шел на повышенных тонах, женщина все равно подошла к супругу и нежно приобняла его. И столько в этом жесте было нежности и любви, что мне даже стало немного стыдно наблюдать за ними. Словно я подглядел нечто очень личное, чем ни с кем не положено делиться.

– Ты ничего не сможешь сделать...

Вместе это парочка смотрелась несколько странно, но до невозможного мило. Маленькая и хрупкая Ирида, блистающая своей красотой даже в простом неказистом наряде. И огромный хмурый Эпимос, заросший по самые глаза густой бородой. На ее фоне он был как настоящая гора. И все же, несмотря на то что секунду назад супруги находились на грани ссоры, они не забывали о чувствах друг друга. Мне, как выходцу из огненной геенны, такое было сильно в новинку...

– Это смогу сделать только я, – закончила свою реплику Ирида, и голос ее немного дрогнул.

– Нет! Не вздумай! – ее муж сразу же отшатнулся и вырвался из объятий, чуть не снеся широкой спиной деревянную полку. – Я не позволю! Должен быть какой-то иной способ!

– Время утекает, родной, – медленно покачала головой в ответ женщина, – а с ним уходят и шансы Данмара на выздоровление. Что бы ты обо мне не думал, Эпимос, но ради сына я сделаю что угодно...

Не слушая возражений, которыми отец мальчишки сыпал как из рога изобилия, Ирида развернулась и покинула комнату. Супруг ринулся за ней следом, топоча так, что подпрыгивала кровать, на которой лежал Данмар, и их громкие голоса стали затихать где-то в недрах дома.

– О чем они говорили? – спросил я мальчика.

– Не знаю.

– Что собралась сделать твоя мать?

– Не знаю...

– Так, значит, у твоего отца своя кузня?

– Да.

– Выходит, твой папа кузнец? – Продолжил я пробовать разговорить Данмара.

– Да...

Н-да уж... С каждой минутой Данмар становится все более скверным собеседником. Его не смог растормошить даже столь эмоциональный разговор родителей и открывшаяся тайна его имени...

– А мама?

– Она помогает ему.

– А ты?

– И я. Мы все помогаем отцу, с этого наша семья и кормится.

– А что кует твой отец? Оружие?

– Нет, все хорошие оружейники обладают развитой Анима Игнис. Простому ремесленнику с ними невозможно тягаться. Поэтому папа кует только мелкую домашнюю утварь и некоторые инструменты.

Услышав про таинственную Анима Игнис я тут же наострил уши. Характер нашего необычного общения с мальчиком был таков, что за этим словосочетанием мне тут же открылся его таинственный и непостижимый смысл. Похоже, это и была та самая магия, о которой говорил Дьявол...

– А что такое Анима Игнис?

– Я слышал от родителей, что на языке Айну это значит «Искра Души».

– Ага, здорово. Но как понять, что у тебя есть эта Анима Игнис?

– Вообще-то, она есть у каждого...

– Вот прям у каждого? – удивился я. – Даже у тебя?

– Конечно, – апатично подтвердил Данмар, – и у папы, и у мамы.

– Ну и как можно развивать эту искру?

– Ты смешной, – мне почудилось, что где-то в глубине непроглядной тьмы Данмар улыбнулся, – если бы я знал, как развивать Дар, то мы бы с родителями жили в золотом дворце, а не на отшибе пригорода. Владеть ей обучают в Дивинаториях, но стоит это очень и очень дорого. Если наша семья продаст все, что у нас есть, включая дом, то этого едва ли хватит на неделю занятий.

– То есть, по сути, у вас каждый является потенциальным магом, но вопрос развития упирается в финансы?

– Если под этим странным словом ты имеешь в виду золото, – отозвался мальчик, – то так оно и есть. Всё и всегда упирается в золото... так говорит папа...

Что ж, по крайней мере, у меня уже наметился небольшой прогресс. Видимо, для выполнения задания Князя Тьмы мне придется сначала заработать некоторое количество местной валюты...

– Ангел, ты еще тут? – позвал вдруг меня мальчик.

– Конечно, – тут же откликнулся я, – я все еще с тобой.

– Мне почему-то показалось, что я остался один.

– Ты же говорил, что видишь меня?

– Больше не вижу... – печально ответил юнец. – А еще мне впервые за эти дни захотелось спать... Можно я немного отдохну?

– Э-м-м... – я замешкался, потому что не знал, что ему сказать. – Ну, наверное...

– Спаси... бо...

Голос мальчика стал совсем слабым, как шепот умирающего. А еще спустя несколько минут, ко мне пришло неприятное ощущение одиночества, словно я остался здесь совсем один. Как бы я не звал, как бы не пытался кричать в темноту чужого сознания, но Данмар больше мне так и не ответил...

Глава 3

Первые робкие шаги

В тот же день, когда исчез Данмар, ушла из дома и его мама. Теперь ухаживать за мальчиком приходил только отец, который неизменно источал кислый запах браги и слегка пошатывался. Он что-то постоянно бормотал себе под нос, то гневно сжимая кулаки, то рукавом утирая выступающие слезы. Но без помощи угасшего сознания мальчишки я больше не мог понимать, о чем Эпимос ведет речь.

Помимо огромного кузнеца у кровати Данмара теперь еще периодически стал появляться представительного вида седобородый дедок. Судя по всему, это и был тот самый целитель, услуги которого обсуждали родители ребенка, и ради которого, судя по всему, Ирида покинула этот дом.

Лекарь посещал тело мальчика с душой чужака дважды в день. Ранним утром, когда я только разлеплял глаза, и вечером, когда солнце окрашивало небосвод в багряные тона. Старик подолгу стоял над кроватью, не пытаясь даже сесть. Он вообще старался лишней раз не касаться ничего в комнате, словно брезговал тут находиться, однако работу свою делал исправно.

Сам процесс лечения, кстати, выглядел весьма необычно – дед затыкал за расшитый золотом пояс свою длинную седую бороду, а потом клал руки на голову мальчика. В этот момент я начинал чувствовать исходящее от его ладоней тепло и какое-то легкое покалывание, словно от тысяч маленьких иголок. Вот, собственно, и все, что он делал.

Не знаю, что именно крылось за этими манипуляциями целителя, но тело Данмара в самом деле стремительно пошло на поправку. Буквально на третий день этих странных процедур я уже смог спокойно садиться в кровати, а еще спустя некоторое время даже рискнул пройтись вдоль комнаты, держась за стену. Конечно, после этого у меня тут же закружилась голова и задрожали ноги, но в целом, улучшения были заметны невооруженным взглядом. Ведь совсем недавно я глаза едва мог открыть.

Лекарь приходил еще много раз, пока я наконец не оказался способен уверенно держать тело в вертикальном положении и не заваливаться в разные стороны. Только после этого он покинул нас, сказав Эпимосу что-то без сомнения назидательное, и я остался с отцом мальчика один на один.

Впервые за много дней кузнец подошел к сыну и, усевшись напротив на опасно скрипящую лавку, о чем-то спросил его... меня...

Мне не оставалось ничего, кроме как невразумительно что-то промычать, демонстрируя полное непонимание. Похоже, мне еще долго придется изображать абсолютную потерю памяти, надеясь, что ни у кого это не вызовет сильных подозрений...

Увидев мою реакцию, кузнец что-то рыкнул, а потом обхватил мальчишку за плечи и опустился перед ним на колени. Терпеть это прикосновение мне было просто неприятно, ведь за время, проведенное в аду, у меня просто в подкорку въелось, что трогать меня могут только с одной целью. Покалечить, причинить боль, отправить на новый круг пыток... Но за счет того, что тело мальчишки было слишком слабо, а связь с моим духом, по-видимому, еще достаточно не окрепла, то вырваться я не имел никакой возможности. Так что мне пришлось просто изобразить на лице испуг. Ведь это должна быть вполне естественная реакция ребенка на такие резкие действия от родителя.

Даже на коленях Эпимос возвышался над мальцом на целые полторы головы. Он прямо взглянул в глаза сына, которые я все никак не решался называть своими.

– Danmare! – Ткнул он заскорузлым пальцем меня в грудь. Причем, сделал это так сильно, что я побоялся, как бы он вообще не проткнул тщедушное тельце мальчика. – Danmare! Esis timame?!

– Danmare, – послушно повторил я, трогая то место, куда секундой ранее уткнулся чужой перст. А затем ответным жестом упер детский худой пальчик в округлый упругий живот кузнеца. – Epimos!

Услышав из детских уст свое имя, звероподобный гигант откровенно разрыдался и прижал меня к себе так сильно, что я при всем своем желании не смог бы вырваться из этих объятий, преисполненных звериной мощи. Когда железные тиски разомкнулись, и я снова обрел способность дышать, отец Данмара сказал мне что-то ободряющее и поощрительно. Но я, ясное дело, мог судить только по одной лишь интонации.

И вот с этого момента, можно сказать, я полноценно начал познавать совершенно новый для себя мир. Пусть только в пределах небольшого домика и его двора, но с чего-то ведь надо же было начинать. Перво-наперво я заново учился ходить и говорить, искренне радуясь каждому своему маленькому успеху. Ведь мне доходчиво объяснили в Преисподней, что жизнь слишком быстротечна, и раз уж мне предстоит в скором времени вернуться обратно в ад, то могу я получить от такого мимолетного перерыва хоть немного удовольствия?

Спустя некоторое время ходьба покорила мне без особых проблем. Просто потому что мне не требовались в этом деле помощники, и я прекрасно справлялся с этой задачей в одиночку. А вот изучение языка продвигалось со скрипом. Отец Данмара, как вы поняли, был кузнецом, соответственно, большую часть времени проводил у горна и наковальни. И мне волею-неволей приходилось обретаться неподалеку от него, чтобы слушать и запоминать его речь. В конечном итоге я довольно быстро выучил множество новых слов, вот только проблемой стало, что все они были связаны с ремеслом Эпимоса. Металл, молот, угли, заклепки, щипцы и прочее-прочее-прочее. А вот в остальных сферах жизни мой словарный запас оставался чрезвычайно бедным. Наверное даже хуже, чем у трехлетнего ребенка.

Но шли дни, новая информация удивительно быстро укладывалась в моем разуме, и постепенно обширные пробелы в знаниях затягивались, переставая зиять тянущей пустотой. С каждым днем выискивать предметы, названия которым я не знал, становилось все сложнее. Все реже детский пальчик Данмара устремлялся в указующем жесте на что-нибудь новое, и все более подробными и понятными становились для меня ответы кузнеца.

Да, хоть я и обитал в теле мальчика, но воспринимать этого мужчину своим отцом у меня никак не получалось. Ведь как ни крути, а здесь я был абсолютным чужаком. Шпионом, заброшенным невиданными силами в чужой мир и в чужой разум... Вполне естественно, что никаких теплых чувств у меня ни к кому не возникало. Да и в моих же интересах было, чтоб подобный статус-кво сохранялся и дальше...

Я понимал, что должен испытывать грызущую меня тупыми зубами вину перед невинным ребенком, которого я нагло заменил в его же теле. С моей стороны все выглядело так, будто я ворвался в разум Данмара, а потом вытеснил его, став полноправным хозяином в его голове. И пусть я мог найти себе множество оправданий, заключающихся в том, что это все задумка Дьявола, а я лишь слепая пешка в его руках, но могло ли это стать истинным утешением? Хоть я и был грешником, который томился в адском пламени несколько эпох, но отъявленным злодеем я себя не желал считать. Даже во время заточения моей души, я как мог старался сохранить остатки хоть что-нибудь человеческого. Я упорно пытался действовать вопреки тому, к чему нас толкали демоны. Впрочем, это все равно не отменяло того факта, что длительное гниение в адском пекле не прошло для моего разума бесследно. Так что это маленькое горе одной небольшой семьи, виновником которого я стал, мною воспринималось как-то слишком уж отстраненно. В общем, получив вожаделенную свободу и покой, я не совсем понимал, что чувствую, и как должен реагировать.

А в остальном же, новая жизнь стала для меня чем-то невероятно странным и мистическим. Я все никак не мог привыкнуть к тому, что мне не нужно ежечасно сражаться, выгрызая право на существование у каждого встречного. Я не умел спать, не вскакивая по ночам от ощущения, что меня настигают кровожадные демоны. Мне постоянно снились кошмары Преисподней, которые словно полчища ядовитых пауков пытались протиснуться из моих воспоминаний в окружающую меня реальность. Но мой мирок, состоящий пока только из трех комнат небольшого домика и такого же небольшого дворика, сопротивлялся им, оставаясь островком спокойствия и безмятежности. И на этом островке моя душа нежилась, пытаясь исцелить полученные за столетия боли раны, не веря в свое счастье.

Но время шло, а я никак не мог научиться терпеть кого-либо рядом с собой. Я постоянно вздрагивал от прикосновений отца Данмара и отпрыгивал от него, словно испуганный кот от ушата ледяной воды. Эпимос, первое время, пытался меня успокаивать и насильно заключать в свои объятия, но делал этим только хуже. Один раз его упорство довело до того, что я совершенно неосознанно прокусил ему предплечье. Просто обретенные в аду инстинкты оказались сильнее моей воли, и тело сделало все без участия мозга.

Однако за эту мою выходку кузнец не стал меня ругать. Он упрямо списывал все странности моего поведения на пережитую травму, и кровоточащий укус на своей руке воспринял с безропотным смирением. Единственное, что выдало его переживания, это то, что в тот вечер он сильнее обычного упился пахучей брагой и не успел к утру вовремя разжечь свой горн. Хотя до этого момента он держался без выпивки достаточно долго, дней, наверное, десять!

И видит Дьявол, я не хотел поступать с ним так. Просто вечность в Преисподней необратимо перекроила мое сознание. Я не мог разучиться видеть в каждом человеке угрозу, и неизвестно еще сколь долго мне предстоит жить таким пугливым дикарёнком. Столетия истязаний не забываются за несколько месяцев земной жизни... Но все же, я понимал необходимость научиться примерять на себя правильные маски. Окружающие люди должны видеть во мне того, кого я пытался в этом мире заменить. Маленького мальчика Данмара, чья мать обрекла его на вечную борьбу с судьбой, дав столь неподходящее имя.

К чести Эпимоса, он всеми силами пытался показать, что его любовь к сыну не становится слабее несмотря ни на какие мои чудачества. И я пытался отплатить ему хотя бы видимостью того же. В один из множества одинаковых дней мне все же удалось вызвать у кузнеца искреннюю радость. Он столь ярко развеселился, что снова попытался полезть ко мне обниматься, но увидев как я весь сжался, в последний момент одернул могучие руки. Причиной столь бурного восторга было то, что я созрел для того, чтобы попроситься поработать в его кузне. То есть не так, как до этого – стоя в уголке и наблюдая, как великан стучит молотом по раскаленной заготовке, и только лишь изредка подносить требуемое ему. А по-настоящему, своими руками. Чтoб кулаки потом не сжимались от кровавых мозолей, а плечи горели от напряжения. Мне нужно было укреплять молодое тело хрупкого мальчика, если я не хотел предстать пред очами Князя Тьмы раньше срока...

В общем, отец Данмара мою инициативу воспринял с настоящим ликованием. По его лицу легко читалось, что он сейчас невероятно горд за то, что сын проявил интерес к его ремеслу самостоятельно. Поэтому первым делом он подвел меня к неподъемному мотку толстой проволоки, а следом вручил молоток, клещи и зубило. Моя задача оказалась простой настолько, насколько это вообще может быть в кузнице. Я должен был отмерять по специальной заготовке длину проволоки, обкусывать ее ударом молотка по зубилу, а при необходимости и выпрямлять. Затем я самостоятельно складывал все обрубки в полыхающий горн, и немного погодя, когда начинали краснеть их кончики, расплющивал их на манер шляпки в специальной штуковине, которая называлась гвоздильня. Да, освоение кузнечного дела я начал с изготовления самых обычных гвоздей. И пусть эта работа не была слишком уж тяжелой, но нетренированное тело Данмара начало яростно сопротивляться такой нагрузке уже через считанные

минуты. Первой устала рука с молотком, за ней следом рука с зубилом. Потом заболело плечо и спина, а им в унисон застонали локти. Каждый новый замах отдавался болезненной дрожью во всем теле, а вибрация от каждого удара вгрызалась своими тупыми зубами в сами кости.

Однако я продолжал исправно поднимать и опускать зажатый в кулаке инструмент, откусывая от длинного мотка одинаковые кусочки. Для меня все эти неприятные ощущения на контрасте с незаживающими следами демонических зубов и когтей, пылающих на моей душе, казались едва ощутимыми. Вот только юное тело, перенесшее к тому же совсем недавно тяжелую травму, оказалось не настолько стойким, как мой дух.

Закономерным финалом моего рвения стало то, что Эпимос вынес мою бесчувственную тушку на свежий воздух, потому что я попросту потерял сознание. После тягучего жара наотопленной кузни теплые ласки полуденного солнца показались мне едва ли не грубыми морозными оплеухами. От резкой перемены температуры, я тут же пришел в себя, распахивая глаза. Но стоило мне осознать, что меня держат чьи-то руки, так сразу же инстинкты загнанного грешника в очередной раз перехватили у разума контроль над телом.

К тому моменту, когда в голове хоть немного прояснилось, я уже стоял, по-звериному сгорбив спину и согнув колени, напоминая испуганного волчонка. Я готовился к яростной схватке за свою новую жизнь. Жизнь, которую я только начал вкушать заново, настоящую цену которой познал...

Но на меня никто не собирался нападать. Постепенно в голове прояснилось, и я понял, что здесь по-прежнему никого не было, помимо Эпимоса. И сейчас он испуганно замер, глупо уставившись на зажатое в детском кулачке зубило.

– Сын? – Осипшим голосом позвал он меня, не сводя взгляда с направленного в его сторону острия инструмента. – Данмар, ты чего? Это же я...

– Прости... *отец*, – выдавил я из себя, едва не поморщившись, из-за того, насколько чужеродно прозвучало это слово из моих уст. – Мне снова привиделся кошмар...

Кузнец знал о том, что я часто вскакиваю с криком посреди ночи, поэтому лишь понятиливо кивнул, примирительно выставляя ладони.

– Хорошо, тогда может быть ты отдашь мне зубило?

– А... конечно... – я смело подошел к великану, вручив ему инструмент, но снова непроизвольно вздрогнул, когда моя рука коснулась его мозолистой ладони.

Это не укрылось от внимания Эпимоса, и он воззрился на меня с невероятной тоской в глазах.

– Ты изменился, сынок... – грустно покачал он головой. – Ты стал совсем другим...

– В каком смысле? – Настороженно отозвался я, украдкой начиная присматривать пути для бегства. Просто на всякий случай...

– После этого злосчастного падения ты совсем перестал улыбаться. А в твоём взгляде поселилась тяжелая мрачная тоска. Так на мир смотрят дряхлые старики, давно схоронившие своих детей. Те, кто понимают, что их от врат загробного мира отделяют лишь мгновения...

Я хотел ответить что-нибудь нарочито бодрое, попытаться разубедить отца мальчишки и чем-нибудь обнадежить. Но не смог, потому что его слова были истиной. Я действительно ощущал всей своей кожей жаркое дыхание ада. Я знал, что человеческая жизнь слишком коротка, и что вскоре я снова вернусь туда...

– Ты тоже стал редко улыбаться, *отец*...

Одинаковые дни, наполненные монотонной работой, складывались в недели, а недели растягивались в месяцы. Тело Данмара заметно окрепло и обросло мясом, став гораздо лучше откликаться на команды моего разума. Да и местный язык я уже освоил достаточно хорошо, по крайней мере, для девятилетнего мальчика, коим я, собственно, для всех и являлся. Кстати, да. Забыл сказать. Прошел ровно один местный год с того момента, как я попал сюда.

С некоторых пор Эпимос стал привлекать меня к самой серьезной работе, которую мы с ним выполняли практически наравне. Теперь я уже трудился плечом к плечу с кузнецом, и эти моменты казались мне наиболее удачным для того, чтобы вести расспросы о мире, в который я попал.

– Отец, а для чего мы так много работаем? – Задавая вопрос, я старался чтобы он звучал максимально искренне и наивно. Чтобы у мужчины не возникло никаких сомнений, что это спрашивает именно ребенок.

– Как для чего? – Удивился родитель мальчика. – Чтобы нам с тобой было, чем питаться.

– А почему мы работаем целыми днями, а зарабатываем так мало?

– С чего ты решил, что мало? У нас всего вдосталь! Есть и пища, и чистая вода, крыша над головой...

– А еще брага... – не удержался я от попытки уязвить Эпимоса за его частые возлияния.

– В том числе, – невозмутимо согласился гигант, крутя в руке пудовый молот, как игрушечную поделку.

– Но все-таки мы не можем себе позволить такой богатой одежды, как тот старик, что приходил меня лечить.

– А, вот ты о чем... – кузнец смущенно поскреб подбородок, вздохнув свою пышную бороду. – Понимаешь, Данмар, мы – ремесленники, и таких как мы очень много. Значительно больше, чем обученных магов...

Эпимос пытался объяснить мне простыми словами причины классового неравенства здешнего общества и вытекающие из этого экономические предпосылки, а я внимательно слушал его, изредка задавая наводящие вопросы. Естественно, я не напирал, а делал между нашими беседами длительные паузы, иногда доходящие до одного-двух дней. И итогом стало то, что уже через полтора месяца я смог схематично нарисовать самому себе приблизительную картину устройства социума.

Итак, начать стоит, пожалуй, с самого начала. Волей Дьявола меня занесло в мир, который местные обитатели никак не называют. Слово «планета» здесь вообще незнакомо, поэтому аборигены употребляют лаконичное «Мир» без всяких лишних пояснений. И царило здесь некое подобие развитого средневековья.

Тут, вероятно, следует пояснить, что чем дольше я жил в теле мальчика, тем чаще меня посещали различные видения из прошлой жизни. Память словно бы медленно оживала, извлекая из своих глубин такие подробности, которые я даже и не чаял когда-нибудь вспомнить. Так что мозг услужливо мне подсовывал знания о средних веках того мира, в котором я когда-то жил. А я уже самостоятельно сравнивал с тем, что видел и слышал здесь. Отличий, конечно же, хватало, и главным из них была магия. Так что даже такому полному профану в истории как я, было понятно, насколько сильное она оказывала влияние на здешний жизненный уклад.

Как мне поведал еще Данмар, искра магии таилась в каждом жителе этой планеты. У кого-то она чуть более выражена, у кого-то менее. В этом плане, Анима Игнис не отличалась от любого другого людского таланта. Ну, к примеру, рисования. Как посредством упорной и длительной практики можно научить рисовать почти всякого, так и специфическими тренировками и медитациями можно было развить магический дар в ком угодно. Разница проявится только в способности учеников. Если одному предстоит долго и упорно трудиться, чтобы изобразить на холсте стоящий перед ним кувшин, раз за разом совершая множество ошибок, то другой едва ли не сразу начнет творить на белом просторе бумаги собственные миры. Вот тот же самый принцип существовал и здесь. Там, где тысячи адептов медленно ползли по лестнице самосовершенствования и со скрипом познавали прописные истины, единицы одаренных шутя и пританцовывая уносились далеко вперед, теряясь в недостижимых далях.

Особенно сильно эта разница проявлялась между потомственными аристократами, которые пестовали и оттачивали свое боевое искусство на протяжении десятков, а то и сотен поко-

лений, и простолюдинами. Совершенно очевидно, что дворяне и их отпрыски имели в загатнике собственные родовые разработки и секреты, которых не могло быть у черни. И такая разница в умениях неизменно породила четкое расслоение общества на военное сословие и ремесленническое.

Реальность была такова, что практически любой представитель знатного рода являлся воином. А вот простолюдины, наоборот, старались осваивать с помощью дара мирные стороны жизни. Не без исключений, конечно, но в подавляющем большинстве случаев такие сферы как земледелие, кузнечное дело, кожевенное ремесло или путешествия, оставались за плетсом. Причем, многие занимались этим настолько долго, что образовались целые династии черни, которые не имели титулов, но накопленным богатством не уступали иным вельможам. И, конечно же, вполне очевидно, что такие богатые семьи аристократы всеми силами стремились подмять под себя. Так сказать, предлагали поделиться деньгами в обмен на охрану от самих же себя и других жадных дворян, а заодно и усилить власть своего рода.

Еще у Эпимоса мне удалось узнать многие особенности местных магических школ, о которых не было известно Данмару. Как оказалось, здесь существовало определенное деление, берущее за основу стихийные явления – вода, земля, огонь и воздух. Но ими дело не ограничивалось. Существовали еще жрецы-храмовники, те самые последователи Воргана, берущие по заверениям кузнеца силу напрямую у бога-стража. А также целители, управляющие Анима Игнис по каким-то совершенно иным принципам, нежели простые стихийники.

Мне, конечно, сложно судить о магии, не имея о ней никакого представления, но существовавший в этом мире не одну сотню лет уклад показался мне несколько странным. Посудите сами, смогли бы вы предположить, что тысячелетия здешней истории вознесли на вершину военного мастерства магов школ воды? Я бы вот ни за что не подумал! А ведь все оказалось достаточно просто. Человек ведь более чем на половину состоит из воды, а потому Владеющие этой стихии очень легко могли изничтожать своих врагов одним прикосновением. А уж если они не были такими же магами, то процесс истребления вообще грозил приобрести промышленный масштаб.

А вот маги огня, напротив, нашли своему дару сугубо мирное применение. Их талант на поле боя оказался почему-то невостребованным, а потому они пустили в другое русло – гончарное производство и кузнечное ремесло. Огневики искрой своей души оказались способны разогревать горны до немислимых для земного средневековья температур. И это, соответственно, открывало новые возможности для примитивных сырдутных печей, распространенных среди ремесленников. Та же керамика и стекло, которые долгое время в моем прошлом мире были предметом роскоши, здесь имели несколько меньшую ценность. Однако назвать ее дешевой тоже нельзя, поскольку местные умельцы брали не количеством, а качеством и изыском. Тут уже основную роль в ценообразовании играло мастерство, а не только лишь материал.

Самыми универсальными же оказались маги земли. Они были одинаково востребованы и на войне, и в торговле. Не знаю, конечно, можно ли безоговорочно верить Эпимосу в его суждениях, или он мне просто пересказал самые известные байки и сказки об одаренных. Но, судя по его словам, земляные колдуны могли укреплять собственное тело, делая его прочнее металла. И такой неуязвимый воин, даже окруженный противниками со всех сторон, был способен очень долго рубиться в самой их гуще, не получая даже царапины. В производстве такие маги заняли почетное место благодаря все тому же. Они точно так же могли укреплять различные природные материалы, как и самих себя.

Кстати, они-то и были самыми знаменитыми мастерами-оружейниками, выковывая всякие незатупляющиеся мечи и непробиваемые латы. Не знаю, сговор ли это всех магов земли или процесс крепления металлов на самом деле был чрезвычайно трудоемким, но стоила их продукция просто невероятно дорого. Дорого настолько, что не каждое их творение можно было купить за золото. Некоторые особо выдающиеся творения обменивали на какие-нибудь

услуги или земли. Кузнец поведал, что были даже такие случаи, когда местный император одаривал таких Владеющих целыми деревнями в награду за труд.

В общем, что бы там не выходило из-под молота опытного и сильного мага земли, оно автоматически становилось статусным предметом небывалой ценности. А поэтому пользовались этим, преимущественно, одни благородные. Богатые династии простолюдинов, конечно же, тоже нередко могли себе позволить что-нибудь эдакое, сотворенное именитым мастером-кузнецом. Но все же аристократы, как боевое сословие, пользовались зачарованными изделиями значительно чаще и сугубо по назначению. Ведь в какой еще сфере жизни, как не в войне, можно найти применение таким сверхпрочным вещицам? Не землю же пахать замачиванным плугом...

Ну а самыми бесполезными из стихийников оказались воздушники. Они не смогли снискать себе славы ни в качестве мастеровых, ни в качестве бойцов. Пусть им и не было равных в стрельбе, ведь их способность направлять и корректировать полет пущенного снаряда на весьма большом расстоянии делала из них выдающихся снайперов. Но какой от этого умения толк, если их стрелам не под силу пробить зачарованные доспехи или укрепленное тело мага земли. И именно это сразу же делало их в глазах остальных одаренных воинов кем-то презренным, низведенным в военной иерархии куда-то в самый низ. Едва ли выше простых необученных магии вояк, с которыми маги воздуха и обречены были воевать, ежели вдруг вздумают идти искать славы по боевой стезе.

Единственная крохотная ниша, которую сумели занять воздушники на мирном поприще, оказалась морскими путешествиями. Я так понял, что их навыков хватало только на то, чтобы наполнять ветром паруса кораблей, да и только. А, ну и еще были такие, кто своим даром разгонял застоявшийся воздух в покоях знатных господ. И, естественно, такой статус прислуги не прибавлял им уважения в глазах остальных коллег по цеху.

Вот как-то так. Никаких тебе огненных штормов, ледяных штыков или хотя бы воздушных лезвий, которых я ждал, в здешней истории магии не оказалось. По крайней мере, Эпимос об этом ничего не знал. Все что могла Искра Души – это лишь даровать своему носителю нечеловеческую силу, скорость и выносливость. А потому владение Анима Игнис очень тесно переплеталось здесь с боевыми искусствами, в частности, фехтованием. Почему бы просто не разить врагов магией на расстоянии, кузнец не знал. Наверное, все-таки, не могли даже такого...

С целительством все обстояло примерно также, как и со стихиями. Древние роды потомственных лекарей владели множеством тайн и секретов о человеческом теле, которые превозносили их над иными коллегами по профессии. Остальные же, кто понимал анатомию лишь на базовом уровне, довольствовались жалкими крохами, по сравнению с элитными представителями профессии. А посему лекарьство было почетным, но только в том случае, если ты достаточно опытный и сильный целитель. Если к тебе обращаются за помощью другие маги, значит это уже какой-никакой знак качества и признак состоятельности. Ну а если целитель не продвинется дальше самых азов своей работы, то ему навсегда предстоит лечить простолюдинов, таких как я и Эпимос. И пусть мы не были в состоянии заплатить чистым золотом за такие услуги, но и совсем без куска хлеба местные эскулапы никогда не оставались.

Еще отец Данмара вскользь упомянул что-то про одержимых, но потом сам же одернул себя на полуслове, приложив указательные пальцы к переносице. Это был здешний аналог молитвенного жеста, который, как считалось, оберегает от темных сил, демонов и проклятий. Так что узнать об этих таинственных одержимых что-нибудь еще, кроме того, что они вообще существуют, у меня не вышло.

Но лиха беда начало, я и так узнал столько нового, что впору голове распухнуть. Для девятилетнего юнца, думаю, это вполне достаточный багаж знаний...

Наконец-то очередной день, целиком состоящий из звона металла, вибрации от ударов по наковальням и летящих искр, подошел к концу. Прохлада вечернего воздуха по сравнению с липкой духотой натопленной кузницы ощущалась чуть ли не прикосновением Арктики. Я с нескрываемым наслаждением подставил разгоряченное лицо под дуновение едва ощутимого ветерка и прикрыл глаза.

– Пойдем-пойдем, – тут же поторопил меня вышедший следом Эпимос, – ты тут не застревай, а то лихоманку схватишь.

– Какую лихоманку, – удивился я, – тепло же!

– А вот такую! Ты батю слушай, он побольше твоего пожил, уж знает, о чем говорит. Бывали, знаешь ли, случаи.

Спорить с кузнецом я, конечно же, не стал. Ему, бесспорно, виднее. И уж тем более я не возражал ему на тот счет, кто из нас дольше жил. Я в двух мирах и аду, или он. Незачем ему знать, что его сына больше нет, а в его теле с недавних пор поселился грешный чужак... Хотя, если посудить объективно, его опыт в некотором смысле был побогаче моего. Свою прошлую жизнь я почти не помнил. Мне только изредка удавалось выуживать некоторые эпизоды из таинственных глубин подсознания. А мое новое воплощение прожило здесь слишком мало, чтобы задирать нос и считать, будто я все знаю лучше аборигенов.

Изредка перебрасываясь короткими фразами, касающимися в основном завтрашней работы, мы с кузнецом прошли в какое-то несуразное подобие бани. Здесь тоже стояла печь, которая грела воду, да вот только совсем не было стен, а вместо крыши растягивался плотный навес. Как оказалось, такой конструкции для омовения было вполне достаточно, поскольку климат тут был на редкость мягкий и теплый.

Пока мы хорошенько мочалились и скребли многократно потевшую в течение трудового дня кожу, Эпимос уважительно так окинул взглядом мою возмужавшую фигуру.

– Эва, как ты подрос, Данмар! – Ремесленник явно собирался похлопать меня по спине и взлохматить волосы, но заметив, как я в очередной раз напрягся, сдержал свой порыв. – Я же говорил тебе, что ты из моей породы! Будешь так же работать, так и меня размерами перегонишь!

Я лишь изобразил в ответ смущенную улыбку, но ничего отвечать Эпимосу не стал. Да, я действительно заметно окреп за прошедшие месяцы. Если тело мальчишки на момент моего вселения в него выглядело щуплым настолько, что самой толстой частью ноги являлась коленка, то спустя чуть более десятка небесных циклов тяжелая работа и сытная пайка сделали из меня почти атлета. Ну, насколько вообще атлетично может быть сложен девятилетний ребенок.

После помывки мы с кузнецом поужинали сильно разварившейся кашей, за которой в отсутствии матери следить было просто некому, и улеглись спать. Тему про покинувшую нас Ириду я специально не поднимал. Мне казалось, что бедный Эпимос не выдержит этого разговора и опять напьется. И тогда мне в кузне придется пыхтеть одному, чего я не особо любил делать. Не потому что мне обязательно нужна была чья-нибудь компания, а просто потому что не всякую работу я мог там выполнить в одиночку.

Тем не менее, уход матери Данмара не очень-то и сильно ударил по семейному благосостоянию. В доме просто стало чуть более грязно и не так уютно, как раньше. Но кузнеца такие мелочи не волновали от слова «вообще», а меня подобная ерунда так и вовсе не могла задеть даже в теории. Знал я вещи и похуже беспорядка...

Когда отец мальчика улегся спать и из-за дощатой двери раздалось его богатырское похрапывание, я тихонько соскочил со своей соломенной кровати и бесшумно прокрался по деревянному полу, не потревожив ни единой скрипучей доски. Воровато оглянувшись и еще раз прислушавшись, я осторожно отодвинул засов и выскочил на улицу.

Оказавшись во дворе, я принялся бегать, приседать и прыгать, разогревая тело для предстоящей ночной тренировки. Хоть моя душа и была закалена в сотнях тысяч битв с демонами и другими грешниками, но плоть мальчишки вряд ли бы выдержала даже одну серьезную схватку. Если уж здесь есть маги, способные вскипятить мою кровь или сделать свою кожу прочнее стали, да еще и практикующие боевые искусства вдобавок, то мне придется очень кисло, если судьба столкнет меня с кем-нибудь из них. Боюсь, на фоне этих волкодавов я буду не то что беззубым щенком, а новорожденным мышонком, которому только и останется что затаиться, надеясь что его не заметят. Впрочем, если Дьявол хотел от меня, чтобы я освоил магию, то к встрече с такими монстрами все же придется готовиться. Поэтому я выгонял себя каждую ночь на улицу, чтобы помимо силы и выносливости, которую я тренировал в кузне, не отставала и ловкость.

Разогнав как следует кровь по телу, я принялся отрабатывать десятки всевозможных ударов и комбинаций, чтобы мышцы и связки запомнили эти движения, и повторяли их быстрее, чем я о том подумаю. Это были откровенно беспорядочные, бесцельные и подлые атаки, выполняемые без единого намека на систематичность, но именно это и даровало им невероятную эффективность. В Преисподней все грешники пребывали в человеческом облики, поэтому в моем распоряжении было неисчислимое количество лет, чтобы все самые уязвимые и болезненные места на человеческом теле намертво впечатались мне в память. Я знал как ударить и куда ударить, чтобы это принесло максимум боли и страданий моему противнику. За время бесконечной войны за жизнь... нет, не за жизнь, ведь все мы там были бестелесными душами. Правильней будет сказать «за существование», но это не столь важно. В общем, я хотел сказать о том, что бессчетное множество смертных боев, через которые проходили грешники в Аду, заставляли даже последнего тюфяка отращивать огромные и острые зубы. И чем дольше ты там находился, тем яснее понимал, что подлости, равно как и чести, попросту не существует. Есть только боль, которая обязательно приходит, если враг оказывается более беспринципным, чем ты. И вскоре ты перестаешь мешкать. Ты бьешь туда, куда дотягиваешься, ты давишь на глазные яблоки, ты вгрызаешься в противника зубами, ты швыряешь ему землю в лицо, ты хватаешь его за волосы или причинное место, если это необходимо. В первое же столетие адских испытаний ты лишаешься всех рамок, которые сдерживали тебя при жизни.

Раньше я не задумывался об этом, потому что в вотчине демонов размышлять некогда. И только сейчас, обретая вторую жизнь, я начал понемногу осознавать, через что прошел и как это меня изменило... Почему-то подумалось, что нас всех таким образом готовили в качестве обезумевшего пушечного мяса для какой-нибудь последней битвы судного дня. И от этих жутких мыслей озноб ледяной волной прошелся по всему телу.

Тусклый отсвет осколков ночного светила, которое согласно легенде расколол Ворган ударом меча, едва-едва разгонял непроглядный мрак темной ночи. Но это только прибавляло ей великолепия. Вообще, ночное небо в этом мире было чем-то неопишимо прекрасным. Россыпь обломков бывшего спутника планеты отражала свет здешнего солнца, и с земли это выглядело так, словно кто-то совсем низко подвесил на небосклоне гигантские белые звезды. Казалось, вскарабкайся на гору повыше, и сможешь до них дотянуться.

Вид этого мерцающего свода завораживал и приковывал взгляд. В самый первый раз, когда я вышел на улицу ночью, я замер минут на десять с запрокинутой головой, будучи не в силах отвести взгляд от чудесного зрелища. И с того самого первого взгляда я бесповоротно влюбился в эти небеса, как в самый сладостный наркотик. Высота словно звала меня, манила к себе, обещая нечто такое, чего не может быть на земле. И всякий раз, после наступления темноты, завершив очередную тренировку, я оставался ненадолго посидеть во дворе, чтобы послушать, что на этот раз мне расскажут звезды.

Сегодняшняя ночь не стала исключением, и я расселся на старой колоде, где мы с Эпимосом кололи чурки для разжигания горна. Небеса все также притягивали взор и завлекали

к себе, словно сирены уставших моряков. И как подтверждение моим мыслям, в звенящей тишине, опустившейся на пригород, мне опять стал чудиться обольстительный шепот.

«Иди ко мне... Чего же ты ждешь? Воспари в моих просторах... Познай истинную свободу...»

Как и всякий раз до этого, я слушал небо и улыбался, потому что мне нравились его обещания. И я вдруг задумался, а что будет, если я поддамся на них? Что если соглашусь на все эти немые посулы, что произойдет тогда?

Не успел я додумать до конца эту шальную мысль, как вдруг какая-то неведомая сила рванула меня за одежду. Треск рвущейся ткани оказался заглушен звуками полощущегося на ветру паруса, а кратковременное давление воротника на горло прошло столь быстро, что я не успел его толком ощутить.

С недоумением оглядывая опадающие на землю лохмотья, которые секунду назад были моей рубахой, я вдруг зацепился взглядом за что-то темное и огромное, притаившееся за моей спиной. Не успев даже рассмотреть, что это такое, я рванулся в сторону, уходя от возможной атаки, вот только... Только атаковать меня никто не собирался, и таинственный силуэт последовал за мной как приклеенный.

Целых несколько наполненных паникой и непониманием мгновений мне потребовалось для того, чтобы осознать, что темный призрак, возвышавшийся позади меня, и есть тот самый подарок Сатаны, который тот мне впихнул без моего согласия. Аспидно-черные крылья сейчас величаво простирались за моей спиной, упруго сопротивлялись едва ощутимым порывам ночного ветра. Зов небес тут же усилился, и я без особых раздумий, но все же с разумным опасением, предпринял первую робкую попытку ответить высоте...

Мелкий сор и щепки тут же разлетелись по всему двору, стуча по стенам дома и забору, когда я на пробу взмахнул могучими крыльями несколько раз. Я не взлетел, но на короткий миг ощутил, будто мое тело потеряло какую-то часть своего веса. В следующую секунду я уже гораздо смелее согнул ноги, а потом резко вытолкнул себя вверх, изо всех сил хлопая новообретенным даром Дьявола. Честно говоря, я и помыслить не мог, что эти черные крылья перейдут со мной и в реальный мир, а не останутся лишь довеском к моей душе. Но подарок Короля Преисподней оказался не так прост, как мне казалось...

Воздух хлестанул по глазам невидимой плетью, и я ощутил, как с каждым новым взмахом земля отдалялась от меня. Я напрягал все мышцы своего тела, забывая даже иногда дышать, замороженно смотря, как смутная темная громада земли с редкими светящимися огоньками то ли костров, то ли уличных фонарей остается где-то внизу... А сам я поднимаюсь все выше и выше, навстречу сверкающим осколкам, почти ласково смотрящим на меня...

К счастью, крылья лучше моего знали, что им делать, а потому уже секундой позже я мчался в небесной выси, ныряя в ватные облака и выскакивая из них под непредсказуемыми даже для меня самого углами. Глаза мои пылали, а легкие то и дело исторгали из себя полный восторга и упоения крик.

Полет и свобода... все именно так, как и обещало небо! Дьявол и его приспешники, как же я люблю эту новую жизнь!

Глава 4

Мой полет был неопишимо прекрасен, но вместе с тем и крайне утомителен. Я любовался с высоты птичьего взгляда темным массивом далекой земли, смотрел на россыпь огней какого-то без сомнения крупного города, расположенного совсем рядом с домом Данмара. Ловил воздушные потоки и катался на них, будто на крутых горках. Однако уже в первые десять минут полета свинцовая усталость начала опутывать верхнюю часть моего тела, и своей тяжестью она принялась постепенно разбавлять ту слепящую радость, что овладела мной. Спустя еще столько же, мышечное напряжение уже породило сильное жжение, которое недвусмысленно намекало, что долго в таком темпе я не продержусь. В конце концов, стало сложно даже просто парить, не говоря уже о том, чтобы делать усиленные взмахи.

Поэтому, как бы мне того не хотелось, но все же пришлось повиноваться требовательным позывам уставшего организма. Я начал медленное снижение, растопырив огромные крылья. Начал, чтобы мгновением позднее осознать, что я не имею понятия, куда мне следует лететь. Окрыленный, в прямом смысле этого слова, эйфорией, я совсем не подумал о том, как буду возвращаться. И теперь слепо шарил глазами по окружающей меня темноте, пытаюсь понять, в какую хотя бы сторону мне держать курс.

В конце концов, мне пришлось приземлиться в первом попавшемся месте, которое мне во мраке ночи показалось к этому пригодным. Правда, я немного не рассчитал траекторию, а потому грохнулся с неба прямо на какой-то ветхий сарай, отчего тот едва не развалился. И едва я коснулся крыши, как мои крылья исчезли, оставив меня один на один с инерцией, неумолимо тянущей вперед.

Сделав кувырок и больно приложившись спиной, я с замиранием сердца обнаружил, что затормозил на самом краю. Адреналиновый кураж отступил, и усталость придавила мои плечи каменными плитами. Казалось, что в моем теле не было такой мышцы, которая бы не стонала от пережитого напряжения. А вдобавок к этому я еще вдруг понял, что замерз в небе настолько сильно, что прохлада ночи стала ощущаться кожей как жар близкого кузнечного горна. Ну еще бы... полетать без рубашки среди облаков... как бы воспаление какое не заработать после таких выкрутасов.

Дрожащий и трясущийся от холода пополам с усталостью, я принялся осторожно слезать с сарая, стараясь одновременно не свалиться с него и не шуметь слишком уж громко. Разбудить здешних хозяев мне не очень хотелось, хотя после моего фееричного приземления эта осторожность, вероятно, была излишней. А ведь как-то еще нужно будет вернуться домой...

Вот такой вот оказался мой первый нежданный выход в открытый мир. Ведь стыдно признаваться, но за этот год я ни разу не выходил дальше калитки домика Данмара. Эпимос, видя как я реагирую на него, надежно оберегал меня абсолютно от всего. Он никогда не посылал меня куда-либо, не давал никаких поручений за пределами дома, а ездить в город по торговым делам предпочитал один, оставляя меня отдыхать. Так что до настоящего момента, все что я видел, была лишь кузня, несколько комнат и внутренний дворик. И вот сейчас мне предстояло ближе познакомиться с тем местом, куда меня закинула воля Дьявола. И рассчитывать на помощь и защиту великана-кузнеца я теперь уже не мог. Придется обходиться своими силами...

Пока, честно говоря, меня ничего особенно не впечатлило. Темнота, пение сверчков и какой-то отдаленный шум, похожий на веселую гулянку. И больше ничего. Ночью тут оказалось достаточно тихо и умиротворенно. Настолько, что даже спросить о кузнеце Эпимосе мне было не у кого. Поэтому единственным решением, которое я посчитал верным, это идти на звуки человеческих голосов. По крайней мере, там был шанс отыскать кого-нибудь знающего дорогу, а не дрожать от холода, слоняясь по этим трущобам до самого утра...

И я побрел по едва освещенной сиянием небесных осколков тропинке. Наполовину голый, холодный и уставший я производил, наверное, впечатление отъявленного бродяги. И только лишь мои раздавшиеся вширь плечи и мозолистые ладони могли намекнуть внимательному наблюдателю, что я на самом деле не чужаюсь тяжелой работы. И совсем скоро, шагая в направлении отзвуков ночного веселья, я набрел на здание, которое выглядело ветхим даже в темноте. Каждый квадратный метр его был украшен щелями, из которых лился тусклый свет масляных ламп или факелов. Снаружи казалось, что эта развалюха готова посыпаться в любую секунду даже от очередного раската смеха, что периодически громыхал в ее недрах.

Уже на подступах к странному заведению, что было скорее всего таверной или ночной харчевней, заработала моя подозрительность. Все-таки, как бы я не устал и как бы не замерз, а осторожности не утратил. Просто представьте, глубокая ночь, все честные граждане спят, набираясь сил перед очередным трудовым днем. Им попросту некогда устраивать себе выходные, потому что они не настолько богаты, чтобы иметь возможность гульбанить ночи напролет. Ведь всего один такой выходной может привести к тому, что им придется некоторое время жить впроголодь. А здесь и сейчас, судя по шуму, кутит целая свора каких-то подозрительных личностей. Ну вот кем, по-вашему, может быть весь этот сброд?

Интуиция опасливо принялась нашептывать, что соваться в это неопознанное логовище совсем не стоит. Тем более мне, запертому в теле юного мальчишки, который, в случае чего, не сможет даже оказать достойного сопротивления. Однако судьба распорядилась иначе. Видимо, проклятое имя действительно оказалось способно испортить жизнь своего носителя...

Едва я повернулся, чтобы уйти прочь, как откуда-то из ближайшего проулка донесся шорох, а затем повелительное: «Эй, ты чего тут лазаешь?! Аа ну-ка стой!» Причем, если судить по голосу, то становилось очевидно, что говоривший не сопляк, вроде меня, а явно взрослый мужчина. И я, быть может, остановился бы, будь он один, но с другой стороны переулка аккомпанементом этому возгласу чей-то каблук чавкнул влажной грязью.

Мой разум тут же разогнался, прогоняя через себя все те сотни различных ситуаций, в которых я уже бывал. Не здесь, конечно же, и не в этом теле, а своей душой в Аду. Темнота. Чье-то присутствие. Угроза. Ожидание боли. Все это уже происходило со мной неоднократно, поэтому я не растерялся, а предпринял самое действенное, что только можно было придумать в этой ситуации – припустил подальше от таящихся во тьме незнакомцев.

– Держи мальчика! – Раздалась чья-то команда уже с третьей стороны, и я удивился, как много на этой улице было сторожей, не принимающих участия в общем веселье. Почему-то я был убежден, что эти люди и кутящая толпа внутри развалюхи, представители одной банды или сообщества. Так что я рванул со всех ног куда-то в переплетение ночных улиц, не ведая ни дороги, ни даже примерного направления. Пока что важнее было избавиться от задумавших явно что-то недоброе преследователей, а размышлять над тем, как отыскать дом Эпимоса предстояло потом...

Метнувшийся мне наперерез темный силуэт я скорее почувствовал, нежели увидел. Рефлексы вечно гонимого и преследуемого грешника сработали быстрее, чем я успел осознать. Фигура незнакомца еще только выскочила, преградив мне путь, а я уже сгруппировался и летел ему навстречу. Пусть я и был значительно меньше и легче, чем незнакомец, но скорость успел набрать приличную. Так что когда мальчишеское тельце влетело плечом в мягкий живот преследователя, тот сдавленно охнул и повалился наземь. А я, на полном автоматизме, практически не замедляя бега и даже не совсем осознавая, что делаю, залепил ногой туда, где у противника должно оказаться горло.

Под пяткой что-то влажно хрустнуло, и раздавшийся следом за этим хрип подсказал мне, что атака все-таки достигла своей цели. Очевидно, что злоумышленники не ожидали такого яростного сопротивления от тщедушного юнца, и первый из них уже поплатился за свою безопасность. Теперь он, скорее всего, не доживет до утра, задохнувшись от отека, вызванного

переломанными хрящами гортани. Если, конечно, местные целители не сумеют вытянуть его из лап Дьявола.

Но, к сожалению, усталость от недавнего полета слишком сильно сказывалась на юном неподготовленном теле. И второй преследователь настиг меня уже через десяток метров. Для опытных глаз моя голая спина сверкала в ночной темноте как настоящая подсвеченная мишень, и не в моих силах было с этим что-либо сделать. Я ощутил, как чужая пятерня стальной хваткой смыкается на моей руке, чуть выше локтя, и снова подсознание сработало быстрее разума. Я резко крутанулся, пытаюсь вырваться, но неизвестный оказался намного сильнее и крупнее меня, так что он просто зажал меня в крепком захвате, подключая вторую руку.

«Как же плохо быть маленьким и легким... и безоружным», успел подумать я, прежде чем оттолкнуться стопами от земли и врезаться поймавшему меня негодюю в челюсть. Зубы незнакомца клацнули так звучно, что этот стук набатом разнесся на всю округу. Следом за этим, ночь прорезала столь злобная и матерная тирада, что даже мне, проработавшему столько месяцев с кузнецом, который то обжигался летящими окалинами, то попадал по рукам инструментом, были знакомы далеко не все слова.

Однако незнакомец все еще держал мое брыкающееся тельце крепко, хотя немного и ослабил хватку. И едва я почувал слабину, так сразу же выпростал одну руку и ударил растопыренными пальцами по его глазам.

– А-а-а-а! Тварены-ы-ыш! – Надсадный яростный вопль почти оглушил меня, а я, стряхнув с руки теплую влагу, попытался продолжить бегство. Вот только стоило мне сделать первый шаг, как в меня врезался кто-то очень тяжелый и невероятно огромный. Меня опрокинуло на землю и больно приложило затылком. И только лишь чудо помогло моему сознанию мгновенно не упорхнуть в чертоги беспамьяства. Пришло какое-то отстраненное осознание, что в живых меня после такого не оставят. Эти люди за свои раны отомстят мне жестоко и кроваво... А раз так, то и сдерживаться не было смысла. Дьявол сказал, что я всегда буду носить в себе частичку ада? Видимо, пришло время выпустить ее на волю.

Дальнейшая свалка превратилась для меня в бесконечную череду криков, тяжелых вздохов, хрипов и яростной возни. Я кусался так часто и так сильно, что если бы не выплевывал откушенные куски чужой плоти, то мог бы наесться до отвала. Я бил руками, пинал ногами и бодал головой все, до чего только дотягивался. Несколько раз я уворачивался от ударов, которые были явно слишком тяжелыми для того, чтобы их выдержал девятилетний мальчишка. Спустя минуту я уже был с ног до головы вымазан грязью и чужой кровью, но все еще не сдавался. Меня пыталась спеленать целая ватага взрослых мужчин, и каждый из них уже успел заплатить маленькую цену за это. Первому, кто попытался дотянуться до моей шеи, я откусил фалангу пальца. Второй получил пяткой в промежность, и теперь натужно пыхтел где-то в моих ногах, затапываемый своими же дружками. Третьему повезло меньше остальных, потому что когда он попытался заткнуть мой рот, чтобы лишить меня едва ли главного оружия, я немислимым образом извернулся и вцепился ему в запястье с внутренней стороны. Чужие жилы упругими струнами задрожали под моими зубами, и мне в рот хлынул теплый солоноватый поток. Крик очередного ублюдка прокатился по улице, отражаясь от стен маленьких одноэтажных домиков, и он попытался выдернуть свою руку. Вот только добился лишь того, что детские зубки разорвали его сухожилия. Теперь, скорее всего, кулак этот тип больше сжимать уже никогда не сможет.

Как мне удалось вырваться из этой кровавой свалки я не помнил. Я и в самом деле на некоторое время убедил себя, что снова нахожусь в аду, поэтому разум ненадолго отключился, уступив тело всепоглощающей ярости. Так что пришел в себя я лишь спустя некоторое время, судя по всему, на значительном удалении от места схватки. По крайней мере, отсюда не было даже слышно шума кутящей банды. Я очнулся зажатым в настолько узкой щели между стеной и деревянным забором, что сюда вряд ли бы даже сумел пролезть голодающий тощий кот. Где-

то неподалеку от меня глухо топали по пыльной дороге чужие шаги и рычали злобные голоса, сулящие мне жестокую расправу.

Детское сердце натужно билось в моей груди, едва ли не подпрыгивая к самому горлу, а легкие судорожно раздувались, пытаюсь втянуть как можно больше воздуха, но вдохнуть полной грудью мешала давящая теснота. Юное тело дрожало от усталости и адреналинового выброса, но холодный разум быстро взял контроль над ситуацией в ежовые рукавицы, не позволяя совершать глупостей.

Постепенно суета вокруг моего убежища затихла, и незнакомцы удалились в неизвестном направлении, грязно сквернословя и обещая обязательно поквитаться с каким-то маленьким засранцем. Даже и не знаю, о ком это может идти речь, ведь я, вроде как, не успел обделаться.

Прикладывая невероятные усилия, застревая на каждом сантиметре, я принялся выбираться из своего временного укрытия, обдирая кожу на спине и животе об шершавые доски. Истощенный организм требовал от меня немедленно завалиться спать, прямо тут, под забором, но от одной только мысли, что я сомкну глаза и тени Ада снова начнут меня окружать, сил как будто бы даже прибавилось. Да и не хватало еще заснуть здесь, а проснуться перед тронном Князя Тьмы, умерев от переохлаждения. Эта мысль тоже хорошенько так подстегнула меня, и я упрямо двинулся напрямик в объятия ночной тьмы.

Когда к утру мне все же удалось добраться до дома Эпимоса, узнав дорогу у первых проснувшихся жителей, и кузнец, ясное дело, уже не спал. Он бестолково метался по двору, выкрикивая имя сына, и переворачивал все достаточно крупные предметы, за которыми Данмар теоретически мог спрятаться. Мое возвращение он сперва встретил облегченным вздохом, но это только лишь в первый миг. Завидев в каком состоянии я приковылял, он бросился мне навстречу, заставив тело инстинктивно сжаться и приготовиться к схватке.

– Что с тобой, Данмар?! – Сипло спросил кузнец, с трудом перебарывая желание заключить меня в медвежьи объятия. – Ты ранен?!

Бросив беглый взгляд на собственное заляпанное грязью и запекшейся кровью тело, я отрицательно покачал головой.

– Все в порядке, отец. Теперь уже все в порядке...

– Где ты был?! Что с тобой произошло?! – Не унимался Эпимос, и мне пришлось наскоро родить лживую историю о том, как я решил выйти ночью подышать свежим воздухом, и как за мной погнались какие-то неизвестные личности, от которых я долго бегал, а потом заблудился.

– О чем ты только думал?! – Взъярился отец мальчишки. – А если бы ты попался этим работорговцам?!

– А это были работорговцы? – Переспросил я удивленно.

– Ну а кто же еще будет гоняться за ребенком по ночным улицам?!

– Грабители, – предположил я, – садисты, убийцы, извращенцы-насильники...

– Хватит!!! – Рывкнул кузнец, отчаянно мотая головой, словно пытаюсь вытряхнуть из своих ушей мои слова. – Не хочу больше ничего слышать! Ты и так уже меня до седых волос напугал!

У меня начало складываться стойкое ощущение, что Эпимос очень хочет задать мне основательную трепку, но он все-таки не решился поднимать на меня руку. Похоже, он посчитал, что мне и так основательно досталось, однако совсем без наказания меня не оставил. В качестве воспитательной меры он заставил меня пахать в кузнице как проклятого, до самого позднего вечера, пока на небе не зажглись осколки мертвого спутника. Мы целый день работали в напряженном и тягостном молчании, которое мне из-за накачивающей сонливости переносить было крайне тяжело.

Под конец дня я так умаялся, что выключился без задних ног еще до того, как дошел до кровати. Вот только новым утром отец Данмара не забросил свои педагогические изыскания, и разбудил меня затемно. По кислому аромату браги я понял, что он снова пил.

– Вставай! – Пробормотал кузнец заплетающимся языком. – Нас ждет работа!

– Отец, – попытался возразить я, – еще ведь ночь, может, лучше поспим?

– Ничего подобного! – Категорично помотал бородой Эпимос. – Когда ты много спишь, тебя начинает тянуть на всякие приключения! Так что отныне, я буду пристально следить за тем, чтобы ты как следует уставал!

Внутренне усмехнувшись такому необычному проявлению заботы, я попытался подняться, и мое дыхание тут же перехватило от пронзившей тело мышечной боли. У меня ломило просто все, от кончиков пальцев до самых пяток.

– Ох... – только и сумел выдавить я, свалившись обратно на соломенный матрас.

– Что с тобой?! – Тут же забеспокоился Эпимос, трезвея прямо на глазах.

– У меня все отваливается, – пожаловался я, ожидая получить хотя бы каплю сочувствия.

– Фух, ну это ничего страшного. – Беззаботно махнул рукой кузнец. – Пойдем, сейчас разомнешься с молотом, и сразу полегчает!

И великан, невзирая на мои протесты и стоны, потащил меня в не успевшую еще остыть кузницу. Ну спасибо, тебе, добрый отец...

Отныне каждый последующий день начинался ровно с того же. Эпимос будил меня еще до рассвета, а потом мы вместе с ним работали, пока оба не начинали валиться с ног. В итоге солнечный свет я видел только пару раз в седмицу, когда отец Данмара, не желающий оставлять меня одного ни на мгновение, брал меня на рынок, где мы закупали сухие крупы, дешевую металлическую крицу и уголь для горна. И во время этих поездок я просто плыл, от количества новых впечатлений и жадно впитывал каждую крупицу новой информации.

Насколько я мог теперь судить, мне довелось стать обитателем не самого благополучного района в этом огромном средневековом городе. Тут жило достаточно много простых неодаренных ремесленников, как, например, Эпимос, но еще больше тут попадалось всякого разного жулья, чей плутоватый внешний вид так и кричал об их промысле.

Само население пригорода в основной своей массе одевались неброско, но практично. Мало кого можно было узреть в обносках или лохмотьях, но я все равно не увидел ни одного горожанина, которого язык бы повернулся назвать зажиточным. Наш район от того и назывался пригородом, поскольку что он, подобно сорной траве, лип к стенам большого и монументального города, башни которого рвались ввысь на недостижимую высоту. Большинство здешних жителей были подданными Империи Исхирос, название которой с древнего языка переводилось как мощь, устойчивость, прочность.

Само же государство разрослось на миллионы квадратных километров, и имело в своем составе около сотни провинций разного размера и благосостояния. Ну а самой блистательной жемчужиной страны, конечно же, была столица, и звалась она красивым именем Агат. И нет, я с Эпимосом жил даже не близко к ней, а чуть ли не на другом конце империи, где расположился второй по величине и численности город под названием Ма́хи. Это тоже что-то должно было значить на Айну, но я так ни от кого вариантов перевода и не услышал.

Наш город был окружен тройным кольцом стен, где в первом периметре обитали простые граждане, во втором богатые зажиточные купцы и именитые мастера, а третьем, то есть самом центре, ожидаемо заняли аристократы и имперские чиновники. Кстати, там же и располагался и единственный на весь огромный город Дивинаторий, где обучали Владеющих.

Кстати, слышал на базаре одну забавную байку, связанную с нумерацией этих стен. Говорят, что один знатный вельможа перепил вина и отправился искать любовных приключений, да не простых, а прям экзотических! Выйдя за пределы своего богатого райончика, он спросил у первого же прохожего, где здесь у них находится ближайший публичный дом. Пешеход

странно посмотрел на высокородного, и ответил, что в третьем кольце полно таких заведений. Да вот только тут произошел один небольшой казус. Обитатели центра вели иную нумерацию, и считали первым именно свой район, а внешний – третьим. А потому пошел подвыпивший знатный господин на окраину Махи, в поисках большой и чистой любви. Дальше народные версии произошедшего расходятся. Одни говорят, что его ограбили в подворотне и бросили со спущенными штанами в сточную яму. Другие утверждают, что лично знают этого аристократа, и ему отрезал причинное место отец-мясник, застукавший богатея верхом на своей жене. Третьи клянутся, что вельможу покрыл на конюшне чей-то конь. Причем, как, а главное зачем нобиль пробрался туда, не сообщается. В общем, народ фантазировал, как мог, упражняясь в искусстве вымысла.

Но это так, местный фольклор, в который если поверить, то может сложиться впечатление, что первое кольцо стен какое-то опасное и злочное место, где опасности поджидают в каждой конюшне. Однако на деле все было совсем иначе, по крайней мере, при дневном свете. Едва ты пересекал городские ворота, пытаясь добраться до нижнего рынка, то статус одного из крупнейших городов империи сразу же бросался в глаза. Несмотря на то, что за первым кольцом обитали лишь горожане из среднего класса, но разница между ними и жильцами из пригорода была очень разительная. Здесь уже никто не боялся гулять с кошельками напоказ, как за пределами стен. Одежда прохожих выглядела куда более изысканной, местами украшенной шитьем или перламутровыми бусинами, а на замену скрипучим телегам, так распространенным в нашем квартале ремесленников, здесь пришли оседланные кони, миниатюрные в чем-то даже изящные двуколки и коляски. Очевидно, что у местных обитателей не было нужды что-либо грузить и куда-то везти, а потому они легко жертвовали грузоподъемностью своего транспорта в пользу скорости.

В общем, каждая поездка на рынок была для меня крайне интересной и донельзя волнительной. За один такой вояж я узнавал столь много нового про мир, в котором оказался, что мой прожитый в четырех стенах год казался чем-то до невероятного унылым и серым. Я раскрывал рот, когда заходила речь об обычаях далеких народов, слушал истории, как правитель какого-то мелкого союзного королевства смертельно оскорбил нашего императора, не приехав на какой-то там праздник, продемонстрировав тем самым пренебрежение. Ловил обеспокоенные обрывки фраз о каких-то военных столкновениях на границах и подмечал шепотки о грядущей большой войне.

Каждое новое услышанное слово немного расширяло границы моего познания и открывало маленькую крупицу нового мира. Но, к сожалению, у Эпимоса были несколько другие взгляды, и полезным долгое пребывание на базаре он не считал. Так что мы быстро, как только могли, завершали свои дела, и возвращались домой, чтобы продолжать стучать молотками по наковальне.

И жизнь в таком темпе продолжалась довольно долго, до самой зимы, которая, кстати, здесь от лета отличалась, дай бог, на десяток градусов. А причиной внезапного перерыва стало резко пошатнувшееся здоровье кузнеца. Уж не знаю, что стало тому причиной. Его вечная тоска по ушедшей от нас Ириде, бешенный темп работы, который он сам же и навязывал, постоянные злоупотребления брагой, растущая пропасть непонимания между ним и его сыном или же тяжелая работа на полный износ. Скорее всего, виной этому было все вместе взятое. В последних двух пунктах, наверное, присутствовала и моя вина. Ведь дело тут заключалось не в извечной проблеме отцов и детей, а в том, что я не был Данмаром, только и всего.

Закономерным итогом стало то, что Эпимос почувствовал себя неважно после очередного ударного дня, и поспешно отправился спать, не забыв, впрочем, по пути высосать половину кувшина кислого алкоголя. А утром он уже не смог подняться с кровати, потому что левая сторона тела его плохо слушалась. Я, конечно, не был большим специалистом в медицине, но это выглядело похожим на инсульт. И хоть случай кузнеца не был сильно запущенным, ведь

он сохранил не только ясность ума, но еще и связную речь, вот только сам он сразу же сдался, не желая бороться со своим недугом.

Я ухаживал за ним каждый день, готовил еду и кое-как, насколько позволяла сила, заключенная в уже десятилетнем мальчишеском теле, омывал с трудом передвигающегося кузнеца. Эпимос же совсем потерял волю к жизни, и бросил все домашние хлопоты на несовершеннолетнего сына. Он начал пугающе стремительно худеть, и уже через пару седмиц напоминал лишь бледную тень себя прежнего. Все чаще он заводил разговоры о том, что скоро его не станет, и все подробнее и обстоятельней становились его лекции по ведению домашнего хозяйства или работы в кузнице, словно он и впрямь готовился оставить меня одного.

Ну а мне только и оставалось, что работать за двоих, попутно пытаясь этих двоих же прокормить. Правда, браться мне приходилось только за простые заказы, на которое мне хватило бы моего невеликого искусства, выносливости и силы. Кузнец же настолько апатично относился ко всему происходящему, что даже не интересовался, откуда берется еда на столе. Хотя я вполне допускал, что такая безвольность могла стать последствием перенесенного им удара.

Ну и поскольку теперь мне приходилось ездить в город самостоятельно, без защиты огромного бородатого гиганта, то я озаботился и каким-никаким, но оружием для себя. Я уже упоминал, что кузнец из меня весьма паршивый, и уж тем более, до полноценного оружейника мне было ой, как далеко. Так что выковать себе что-нибудь серьезное, было выше моих скромных умений. Поэтому и выход из ситуации я нашел изысканный, как мне показалось, и простой.

Я сковал крест-накрест два стальных прута, один длинный, другой покороче. Первый заточил, сделав трехгранным, а второй загнул на манер вилкообразной гарды. Нижнюю часть я просто замотал размоченным ремнем из бычьей кожи, сделав таким образом нехитрую рукоять. И на выходе у меня получилось неведомое в здешних краях оружие, похожее на японский сай. По крайней мере, ни у кого в городе я ничего похожего не видел.

И выбор на такую форму у меня пал не спроста. Во-первых, в своей прошлой жизни я некоторое время занимался достаточно специфическим в моей стране спортом. Назывался он сай-дзюцу. И еще в самый первый день, когда сенсей только объяснял нам сильные и слабые стороны этого оружия, я поразился, насколько оно универсальное. Не сказать, чтобы я достиг хоть сколь-нибудь великих успехов в освоении этих клинков, но на эту базу наложился опыт тысячелетий в Преисподней, превратив это умение в нечто непознаваемое для простого смертного человека. А я давно уже усвоил, что если хочешь победить – удиви. Во-вторых, изготовить саи было настолько просто и элементарно, что справился с такой задачей даже я. В-третьих, благодаря невеликому размеру, их было очень удобно прятать в одежде. По итогу, мои необычные стилеты даже стража на внешних воротах не замечала. Хотя привратники, обычно, неодобрительно смотрели на всех путников даже за засапожный нож, если тот торчал на виду. Ну, а если бы у меня и обнаружили такие странные штуки, то не факт, что стражники сумели бы признать в них оружие. Скорее всего, они бы приняли саи за какой-нибудь специфический инструмент. Вооружившись своими поделками, я стал чувствовать себя гораздо увереннее. Теперь попасть в какую-нибудь передрягу, вроде той, в которую я угодил после первого своего полета, мне больше не было страшно. Но зато передо мной в полный рост вставала иная проблема. Проблема заработка. Как оказалось, мелкие изделия из металла делаются слишком многими, и Эпимос в этом плане не был каким-то исключительным мастерским. Так что в условиях такой мощной конкуренции я не сумею ничем выделиться среди остальных ремесленников. А делать что-то более сложное, чего не смогли бы другие, мне пока не по зубам. Хоть процесс созидания чего-то нового и приносил мне огромное удовольствие, но я понимал, что таким низкоквалифицированным трудом прокормить двух человек попросту не сумею. Мы сумеем протянуть еще дней десять-двадцать, а потом пайку придется урезать.

Это могло значить только то, что пора мне немного приспустить личину наивного и неопытного ребенка, и начать зарабатывать золото, столь необходимое для достижения постав-

ленной мне лично Дьяволом задачи. Поэтому, прости меня, Данмар, но с сегодняшнего дня твое беззаботное детство заканчивается. Не знаю, живешь ли ты где-то на задворках моего сознания или безвозвратно растворился в небытии, но, надеюсь, ты простишь меня за все, что я сделаю с твоей жизнью.

Первая моя бизнес-идея оказалась проста, как медная монетка. Почему именно медная? Да потому что из меди я склепал свою пародию на перегонный куб, а к нему скрутил длинную изогнутую трубку, которая должна будет выполнять роль змеевика-охладителя. Ну, по одному только этому, наверное, уже понятно, в чем заключалась моя задумка. Я собирался принести в этот мир средневековья настоящий крепкий самогон. И на этот счет я уже достаточно плотно провентилировал местный рынок алкогольных напитков.

Самым дешевым и доступным продуктом для среднего жителя пригорода оставалась простая брага. Более дорогими, но не менее широко распространенными товарами стали кислое пиво, горький эль и лака. Лака – это был чисто имперский напиток, готовящийся из местных яблок, и был он похож на простой сидр. Правда этой выпивке больше отдавали предпочтение в первом кольце городских стен, нежели за ее пределами.

Сложнее всего было прознать, что привыкли употреблять жители купеческого квартала, расположенного за вторым кольцом стен. А уж собравшийся в центре города бомонд и вовсе был недостижим для моего любопытства. Такого юного простачка, каковым я не только выглядел, но, по сути, и являлся, не подпустили бы и на сотню метров к внутренним воротам. Но слухами земля полнится, и мне-таки удалось разузнать, что любили пригубить высокородные господа. А пили они, как бы логично это не звучало, вино, которое тут считалось благородным и изысканным напитком. Далеко не всякое, конечно же. Бывали и такие кисляки, отдающие уксусом, что их даже в пригороде бы употреблять не стали.

Иными словами, тут встречались только алкогольные напитки, полученные путем естественного брожения, и процесс дистилляции оставался еще никем не открытым. Ну а я собирался принести на рынок совершенно новый эксклюзивный продукт. Такой, чтоб сразу валил с ног незнакомых с крепкими напитками аборигенов, и которому попросту не найдется в этом мире равных. По моим прикидкам, если мне удастся сделать свой товар нишевым и премиальным, таким, чтобы даже сам император выпрашивал бочонок вне очереди, то денег на обучение в Дивинатории я накоплю очень скоро. Ну, это при самом оптимистичном сценарии, граничащим с фантастикой. Как оно обернется на самом деле, я еще погляжу.

В любом случае, пока это все были даже не планы, а сладкие грезы. И чтобы поскорее хоть приблизиться к этой мечте, я запрыгнул в телегу, чтобы отправиться к ближайшей харчевне. Там я намеревался закупить первую партию недорогого сырья для перегонки, и для этого мне даже не пришлось ехать к городским стенам, ведь разного рода дешевых забегаловок с еще более дешевой выпивкой и тут было навалом. А другой продукт мне пока был не по карману.

И вот уже через пару десятков минут тряски в скрипучем транспорте я поднимался по старым разошедшимся ступеням известного в округе питейного заведения. Время было уже вечернее, так что пыльный зал, провонявший запахами гари и жженного масла, оказался под завязку забит желающими выпить кружечку другую после тяжелого дня и закусить ее наваристой кашей с мясом.

– Привет, молокосос! – Проказливо ткнула меня в плечо конопатая девчушка, пробегающая мимо с пустым кувшином. Это была дочка хозяина харчевни, которая вообще редко когда упускала случай меня поддеть, если я попадал в поле ее зрения.

– И ты здравствуй, Касия, – кивнул я в ответ, даже не пытаясь вступать с ней в конфликт. Во-первых, я знал, что она этого и добивается. Не потому что она злая или конфликтная, а просто потому что ей нравится наблюдать за реакцией. А во-вторых, она хоть и была не несколько лет старше Данмара, но все же для меня оставалась обычным ребенком. Ну и кем бы я был, если б кидался в перепалку с каждым малолетним задирой?

– Какой же ты скучный, Данмар! – Горестно выдохнула девчонка, закатывая глаза. – С тех пор как башкой ударился, ты стал совсем букой! Ну и чего тебе надо?

– Да вот, хочу пару бочек браги купить для отца, – выдал я заранее заготовленную причину.

– А, ну это тебе надо к маме обращаться, – отмахнулась Касия, – я в этом тебе не помогу. Как там дядя Эпимос?

– Плохо, – изобразил я на лице куда большую печаль, чем царила у меня на душе. – Совсем не встает, да даже и не пытается. Мне кажется, он уже мысленно приготовился уйти в небесные чертоги.

– Эх... жалко слышать, – сочувственно покачала головой девчонка. – Но я надеюсь, ты станешь хорошим наследником своего отца и продолжишь его дело. Нам кузнец поблизости всегда нужен. Не станем же мы ходить за полверсты к дядьке Голыбу...

Ну да, в этой девчонке деревенская практичность тесно переплеталась с детской непосредственностью. И за счет того, что к Эпимосу я не питал никаких теплых сыновних чувств, а скорее просто терпел его общество, не желая огорчать хорошего, в принципе, человека, меня ее прямота не обидела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.